

Д. В. Каравайко

О ТРЕХ ГОРОДИЩАХ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ПУТИВЛЬСКОГО ПОСЕЙМЬЯ

Статья посвящена результатам исследований городищ у сс. Воргол и Ширияево. До сегодняшнего дня только на трех указанных укрепленных поселениях скифского времени в Путивльском Посеймье проводились раскопки. В научный оборот вводятся материалы исследований 1949—1950 гг., осуществленных Д. Т. Березовцом и В. А. Ильинской и не освещенные в полной мере в свое время.

Ключевые слова: Путивльское Посеймье, скифское время, городища, материальная культура.

На сегодняшний день в пределах Путивльского Посеймья насчитывается более 20 укрепленных поселений — городищ раннего железного века. Все они расположены на мысах высокого правого берега Сейма и его притоках. В силу того, что городища хорошо выделяются на местности, благодаря земляным укреплениям, памятники неоднократно привлекали внимание исследователей. В основном работы ограничивались поверхностным осмотром, сбором подъемного материала и шурфовкой. Лишь на трех городищах были проведены небольшие раскопки. В послевоенные годы исследования велись Д. Т. Березовцом на двух городищах у с. Воргол, и городище Ширияево. На последнем в 1950 г. продолжила раскопки В. А. Ильинская. Результаты этих работ в свое время были введены в научный оборот и опубликованы в виде двух небольших статей (Ллїнська 1953; Березовець 1955). Вполне очевидно, что для первой половины 1950-х гг. информация, поданная в данных работах, была исчерпывающей. Так же очевидно то, что не все моменты были освещены в достаточной мере, не весь материал опубликован. Частично это можно объяснить ограниченным объемом публикаций в изданиях («АП УРСР» и «Археологія»), невыразительностью

и малой информативностью некоторых находок. К тому же, как известно, Д. Т. Березовец не специализировался на изучении древностей раннего железного века. Исходя из сказанного, необходимость повторно обратиться к материалам исследований городищ у сс. Воргол и Ширияево представляется вполне оправданной. Кроме того, степень изученности укрепленных поселений указанного региона весьма незначителен, по сравнению с Курским Посеймьем, где работы носили масштабный характер (Алихова 1962; Пузикова 1981; 1997 и др.), городища у с. Воргол. Зачастую Восточное и Западное укрепления в литературе рассматривались как единый комплекс — одно городище. Единым памятником считал их и автор раскопок Д. Т. Березовец, хотя и отмечал, что «Обидві частини городища настільки відокремлені одна від одної, що фактично можна вважати їх за два городища, які розташовані поруч» (Березовець 1949, с. 36—37). Использование неверного плана привело к тому, что городище (а) Воргол было ошибочно отнесено А. А. Моруженко к 1-му классу, III типа, согласно ее же типологии, а именно к мысовым городищам, состоящих из основного укрепления и предградья (Моруженко 1985, с. 161, рис. 3: 12). Детальный осмотр местности и топосъемка показали отсутствие единой линии укреплений, которая могла бы объединить два мыса (рис. 1).

Оба памятника — многослойные. Так, восточный мыс заселен впервые в эпоху бронзы. Выявлены слои скифского и славяно-русского периодов. То же — на Западном городище.

Наиболее ранние упоминания о памятниках относятся ко второй половине XIX — началу XX вв. и принадлежат перу Д. Я. Самоквасова (1873, прил., с. 7; 1908, с. 112—113), П. В. Голубовского (1908, с. 6—7) и графини П. С. Уваровой (1906, с. 75). Первые профессиональные



Рис. 1. Городища у с. Воргол. План
А. В. Короты и Е. Н. Осадчего

работы на городищах провел И. И. Ляпушкин. Был собран подъемный материал, подробно описаны размеры памятника, характер оборонных сооружений, определены хронологические рамки и культурная принадлежность к позднелевобережской культуре скифского времени и роменско-великокняжескому периоду (Ляпушкин 1947, с. 5, уч. карт. № XIX; 1950, с. 49—50; 1961, с. 59—60). Был снят и план, на котором с западной стороны расположен вал, отделяющий сразу два мыса (рис. 2: 1). Он и был позднее использован в работе А. А. Моруженко.

Небольшие раскопки проведены Д. Т. Березовцом (1949, с. 36—51; 1955, с. 58—61). Им же снят новый план, существенно отличающийся от предыдущего (рис. 2: 2). Никакого общего вала для двух мысов на нем нет. Однако, исследователь утверждает факт наличия единого рва для обоих мысов (Березовец 1955, с. 58).

Неоднократно городища осматривали такие исследователи как О. Н. Мельникова (1968,

с. 3), О. В. Сухобоков (1968, с. 17; 1986, с. 91—92). В 2012 г. на памятниках экспедицией ИА НАНУ и Путивльского Государственного историко-краеведческого заповедника проведены небольшие исследования (Плаксина, Каравайко 2012; Каравайко 2014), снят новый подробный план (рис. 1), городища занимают мысы правого берега р. Клевень, в 1,7—1,8 км на восток от северной окраины с. Воргол, в урочище Вишневая Гора (Кролевецкий р-н, Сумской обл.). *Восточное городище* расположено на мысу трапециевидной формы, образованным двумя длинными ярами. Высота над уровнем поймы 42 м. Длина по периметру (?) городища — 200, 100, 40 м. Общая площадь — 1 га. С западной стороны (с севера) поселение укреплено валом шириной 15 м, который возвышается над площадкой на 2 м. Перед валом находится понижение, вероятно, природного происхождения. Южный склон этого понижения эскарпирован, а на вершине устроен вал. По периметру прослеживается эс-

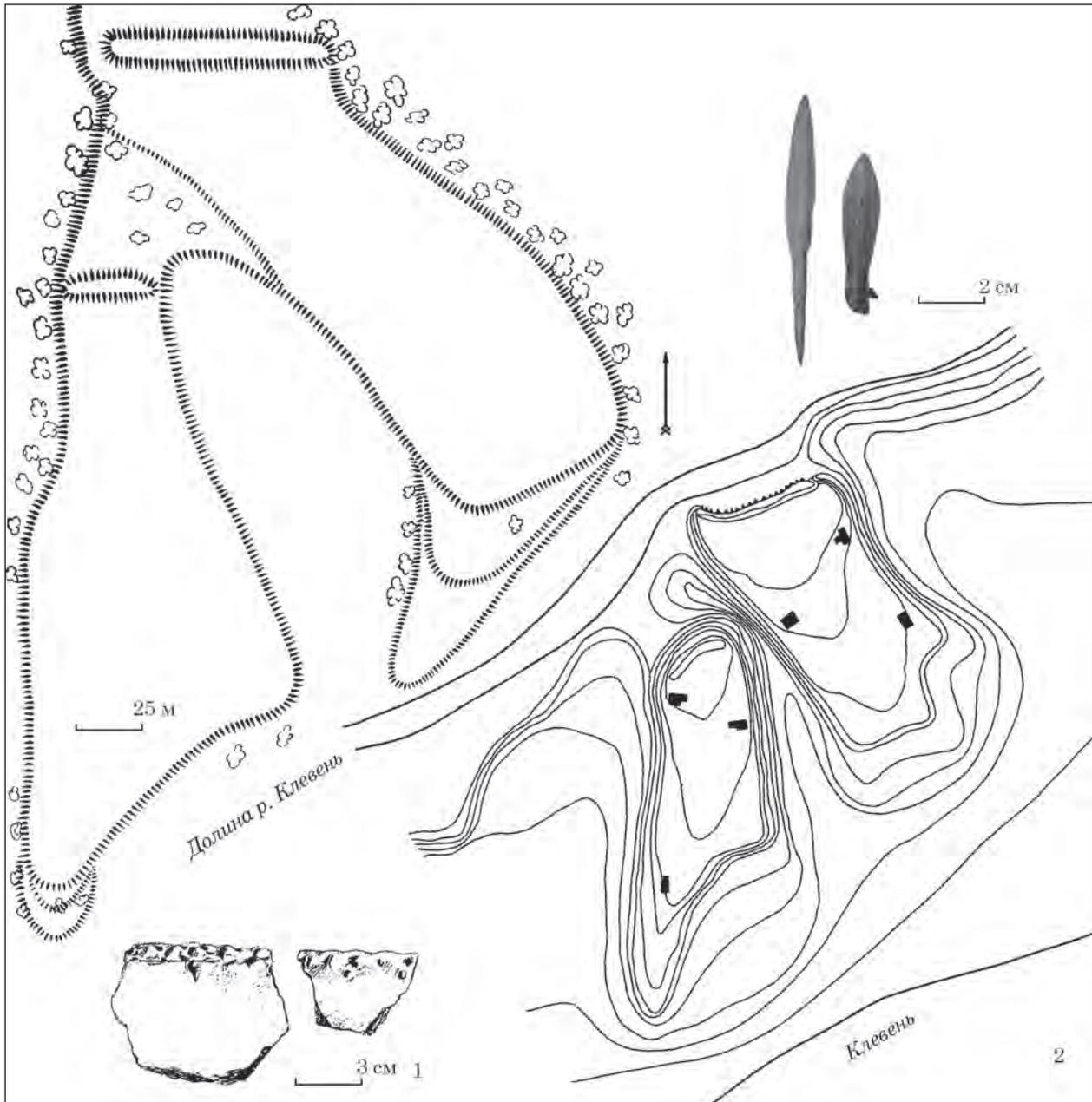


Рис. 2. Городища у с. Воргол: 1 — план и находки И. И. Ляпушкина; 2 — план и находки стрел Д. Т. Березовца

карп шириною 2 м, високою 5—6 м. Три лінії ескарпов розположені на південній стрілці мису. Їх ширина коливається в межах 2—4 м. В південній і західній частих городища, на краю мису, збереглися сильно розпахані валообразні насипи. Площадка рівна, засаджена сосновим лісом. По всій поверхні видні ями, оставленні при роботі з металодетектором.

Західне городище відделено від Східного довгим оврагом з практично отвесними схилонами. С південної, північної сторони, городище обмежено ложбиною. Її південна стінка була пристосована під укріплення в формі ескарпа і вала. В південно-західній частині мису плавно понижуються. Площадка поросла лісом. Городище трикутної форми, розмірами 240, 154, 94 м по периметру. Загальна площа пам'ятника — 1,1 га.

С південної сторони укріплено башневидним валом високою 4—5 м і шириною 12—15 м. В західній його частині зроблено проїзд. Верхівка вала пошкоджена ямами грабительських розкопок. По периметру городища прослідковується невисока валообразна насыпь. В південній частині мису схил ескарпирований на висоту від 4 до 6 м. На стрілці мису ескарп переходить в ров шириною 4 м і глибиною 1,5 м. Площадка городища рівна і тільки в південно-західній частині стрілки мису декілька підвищується. Городище пошкоджено грабительськими шурфами. Їх розміри коливаються від 0,4 × 0,4 м до 2 × 1 м. Глибина від 0,1 до 1 м.

Обратимся к материалам раскопок 1949 г. Д. Т. Березовца. Три небольших раскопа были заложены на Восточном, и три на Западном городище. Еще одна траншея 2 × 18 м прорезала вал

Восточного укрепления. Прежде всего, попытаться установить общую исследованную площадь для каждого памятника. К сожалению, информация о размерах раскопок крайне неточна и противоречива, полевые же чертежи не сохранились. В печатной части отчета указано, что на Восточном городище заложили 3 траншеи размерами 2×10 м, а на Западном — 1×10 м (Березовец 1949, с. 38). Более подробная информация содержится в рукописном тексте дневника. На месте каждой из траншей, после обнаружения пятна объекта, был заложен раскоп (траншея 1 — раскоп 8×8 м, траншея 2 — раскоп 8×8 м и траншея 3 — раскоп 6×6 м). Указаны и иные размеры траншеи 3 (2×8 м). Путем несложных подсчетов выясняем, что исследованная площадь на площадке Восточного городища должна составить около 176 м^2 , а в районе вала 36 м^2 .

Для Западного городища в дневнике указаны иные размеры (траншеи 4 и 5 — 2×6 м, а на месте траншеи 6 размерами так же 2×6 м был заложен раскоп 8×8 м). Таким образом, общая исследованная площадь на этом городище должна составить около 96 м^2 .

Ни в одном из раскопов на обоих городищах не было выявлено объектов эпохи раннего железа. Керамика же скифского времени, и некоторые находки, по данным Д. Т. Березовца, найдены исключительно на Восточном городище и только в одном месте (Березовец 1949, с. 48, 50).

Ряд вопросов возникает и касательно изучения оборонительной системы Восточного городища. Сам разрез вала и рва, как следует из текста дневника, не был завершен. Работы прекращены на глубине 4,5 м, материк найден не был. Судя по описанию, тело вала состояло из чередующихся прослоек глины, чернозема и мешаного слоя (Березовец 1949, с. 49—50). Находки отсутствовали. В одном из нижних слоев фиксировались остатки горелого дерева и обожженной глины. По словам автора отчета, *«вугілля в своєму слої не являло собою залишків якоїсь конструкції, а знаходилося в переміщеному стані. [...] Що означають вугілля та обпалені шматки глини, які конструктивно не входять в будову вала, сказати важко. Вірніш всього, вони попали сюди в наслідок руйнування якихось рештків існуючих тут можливо з скифського часу»* (Березовец 1949, с. 50; 1955, с. 61). В тексте того же дневника содержится сообщение о том, что вал все же имел какую-то деревянную конструкцию, засыпанную сверху различными слоями глины и чернозема. Не совсем понятным выглядит и описание рва, полностью не раскопанного по всей ширине. В разрезе он имел корытообразную форму глубиной 3,5 м от современной поверхности, и шириной — 20 м. При этом исследован ров был лишь на 5 м. Абсолютно не понятно, каким образом при незавершенном разрезе была установлена форма рва. Удивительным выглядит и наличие столь широкого рва (20 м!) для относительно небольшого городища. Создание укреплений автор

раскопок датировал славянским временем (Березовец 1949, с. 51; 1955, с. 61).

Таким образом, можно констатировать, что исследования проведены не лучшим образом, даже с учетом реалий того времени. Как следует из дневника, раскопки длились две недели, с 16 по 30 июля. За этот период исследована площадь чуть более 300 м^2 . Соотношение времени работ и раскопанной площади говорит не в пользу тщательности и скрупулезности. Видимо этим следует объяснять тот факт, что керамика скифского времени была обнаружена исключительно на Восточном городище и только в одном месте (Березовец 1955, с. 61). Тем не менее, в коллекции раскопок 1949 г. есть фрагменты керамики и глиняные пряслица этого периода с западного мыса (Білінський, 2011 с. 91). Как показала шурфовка 2012 года, Западное городище так же было заселено в эпоху раннего железа (Каравайко 2014, с. 167, рис. 5).

Д. Т. Березовец, изучая древности славянской эпохи, естественно не уделял должного внимания материалу более раннего времени, что хорошо заметно по публикации 1955 г. Однако, находки стрел все же были опубликованы (Березовец 1955, рис. 14: 1—2). Учитывая, что для городищ Путивльского Посеймья практически полностью отсутствуют хронологические реперы, а датирующие находки единичны кратко рассмотрим оба наконечника. Костяной наконечник стрелы с длинным цилиндрическим в сечении черешком и трехгранным острием общей длиной 9,4 см найден на Восточном городище вблизи постройки роменской культуры. Автор находки отмечает, что наконечник более ранний, нежели скифская керамика (Березовец 1949, с. 49). Подобные наконечники известны в предскифское время на поселениях бондарихинской культуры, памятниках Првобережной Лесостепи и ананьинской культуры, где их дата определяется в пределах X—VII или VIII—VII вв. до н. э. (Тереножкин 1961, рис. 66: 1; Халиков 1977, с. 206, рис. 76: 28; Буйнов 2003, рис. 2: 7; 2006, с. 42, рис. 3: 9). На восточном укреплении есть немногочисленные находки керамики эпохи бронзы, однако поставить их в один хронологический ряд с наконечником не представляется возможным.

Еще один наконечник бронзовый двулопастный с шипом может быть отнесен к VII в. до н. э. Опираясь на эти две находки, можно предположить, что поселение на восточном мысу возникает в раннескифское время.

Фрагменты посуды с раскопок Восточного городища 1949 г, хранящиеся в фондах Сумского областного краеведческого музея, были проанализированы и введены в научный оборот О. О. Белинским (2011). Это керамика схожая с посудой лесостепных левобережных поселений и представлена горшками, орнаментированными преимущественно проколами под венчиком. Срез последнего, зачастую, украшался разнообразными насечками и ногтевыми вдавлениями.

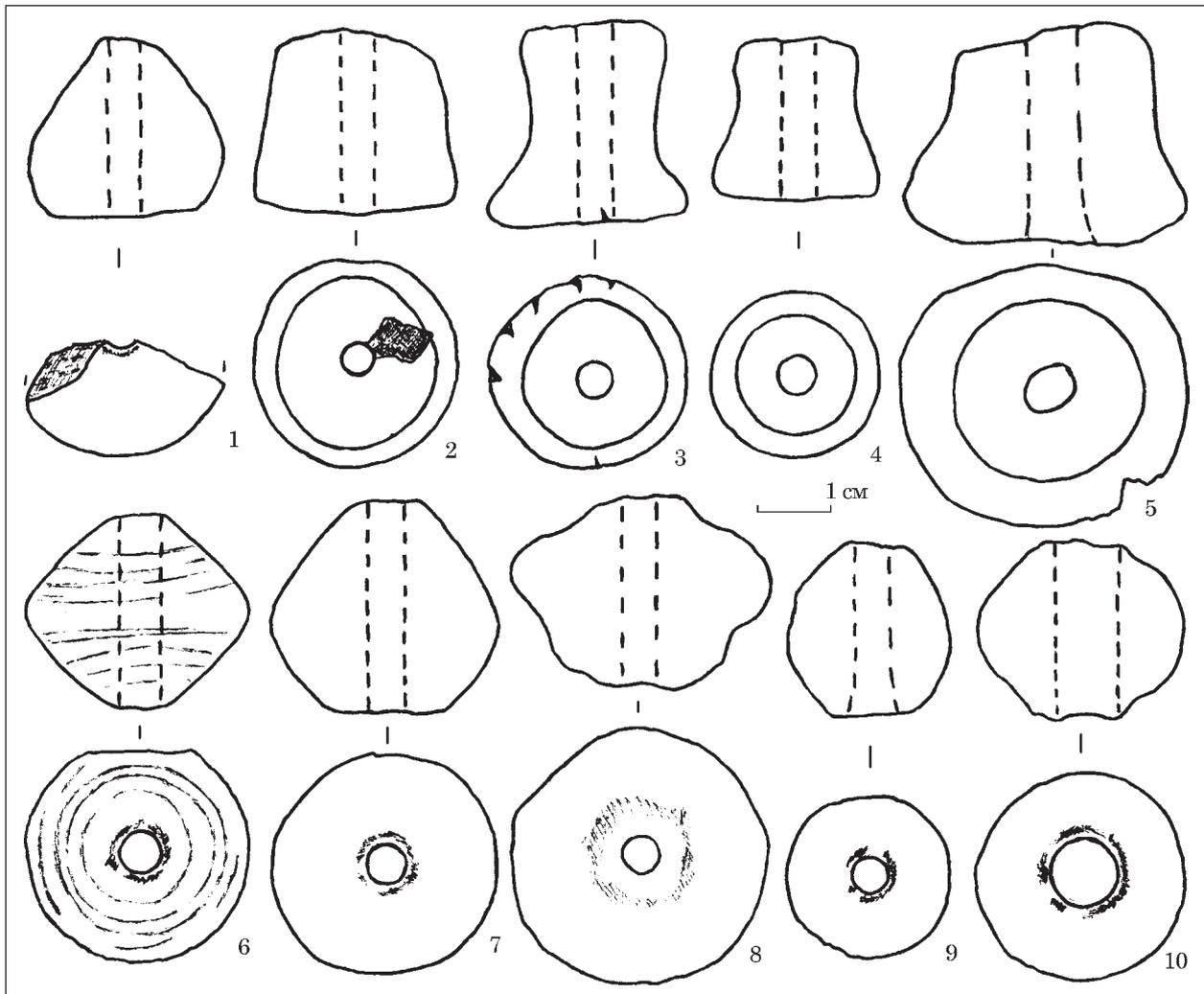


Рис. 3. Глиняные пряслица с раскопок городищ у с. Воргол 1949 г (коллекция НФ ИА НАНУ № 157)

В тесте преобладают примеси шамота. Типологически выделяется несколько форм горшков.

Как показали исследования 2012 г., керамика Западного городища несколько отличалась. Некоторые фрагменты по своей форме и орнаментации идентичны. Вместе с тем, есть находки горшков с практически прямым, слегка отогнутым венчиком без четко выделенных плечиков и шейки. Условно назовем их банковидными. Орнамент на них не наносили (Каравайко 2014, рис. 5). Подобные формы отсутствуют в коллекции Восточного городища. Для более детального сравнения керамики обоих городищ на сегодняшний день, мы не обладаем достаточным количеством фрагментов посуды.

Часть вещей из раскопок 1949 г. хранится в Научных фондах Института археологии НАН Украины¹. Они представлены железными изделиями роменской культуры или периода Киевской Руси, а также 10 глиняными пряслицами скифского времени (рис. 3). Большинство

из них найдено на Восточном городище, три экземпляра происходит из раскопок Западного укрепления (рис. 3: 6, 8, 10).

Пряслица имеют конусовидную (5 шт.), биконическую (3 шт.) и сфероидную формы (2 шт.), соответственно представлены тремя типами, имевшими значительную вариабельность форм в пределах одного типа и подтипа (Щербань 2007, с. 171—175). На изделиях отсутствует орнамент, за исключением одного экземпляра. На нем, по широкой основе, нанесены ногтевые вдавления, расположенные в одной части и не образующие замкнутого круга (рис. 3: 3). Еще одно пряслице имеет небольшие бороздочки, не являющиеся декором, а образованные в результате заглаживания поверхности каким-то предметом (рис. 3: 6). По широкому диаметру отверстия (9 мм) выделяется одно пряслице с Западного городища (рис. 3: 10). Учитывая многослойность памятника, к эпохе раннего железа оно отнесено условно.

Таким образом, раскопки городищ у с. Воргол 1949 г., невзирая на исследованную площадь, являются малоинформативными в плане изучения древностей раннего железного века. Очевидно, что укрепления на обоих мысах возника-

1. Основу коллекции № 157 составляют материалы из раскопок Д. Т. Березовца и В. А. Ильинской на городище Ширяево.

ют в скифское время, однако этот тезис требует подтверждения. Недостаточно материала и для сравнения материальной культуры двух вблизи находящихся городищ, выяснения времени их существования. Не располагаем и информацией касательно застройки и каких-либо объектов середины I тысячелетия до н. э., городище *Ширяево* расположено в 1,1 км на юго-восток от окраины с. Ширяево и к востоку от с. Старые Гончары, слева от дороги Старые Гончары — Линово.

Одно из первых упоминаний о городище содержится в работе Д. Я. Самоквасова, локализовавшего памятник у с. Гончар (1878, с. 229). Впервые обследовал памятник И. И. Ляпушкин в 1947 г (1947, с. 6, уч. карт. XXIII; 1950, с. 52; 1961, с. 134). Собран подъемный материал, проведена зачистка склонов. Было установлено, что с напольной стороны к городищу примыкает поселение с синхронным материалом. Снят план памятника (рис. 4: 1).

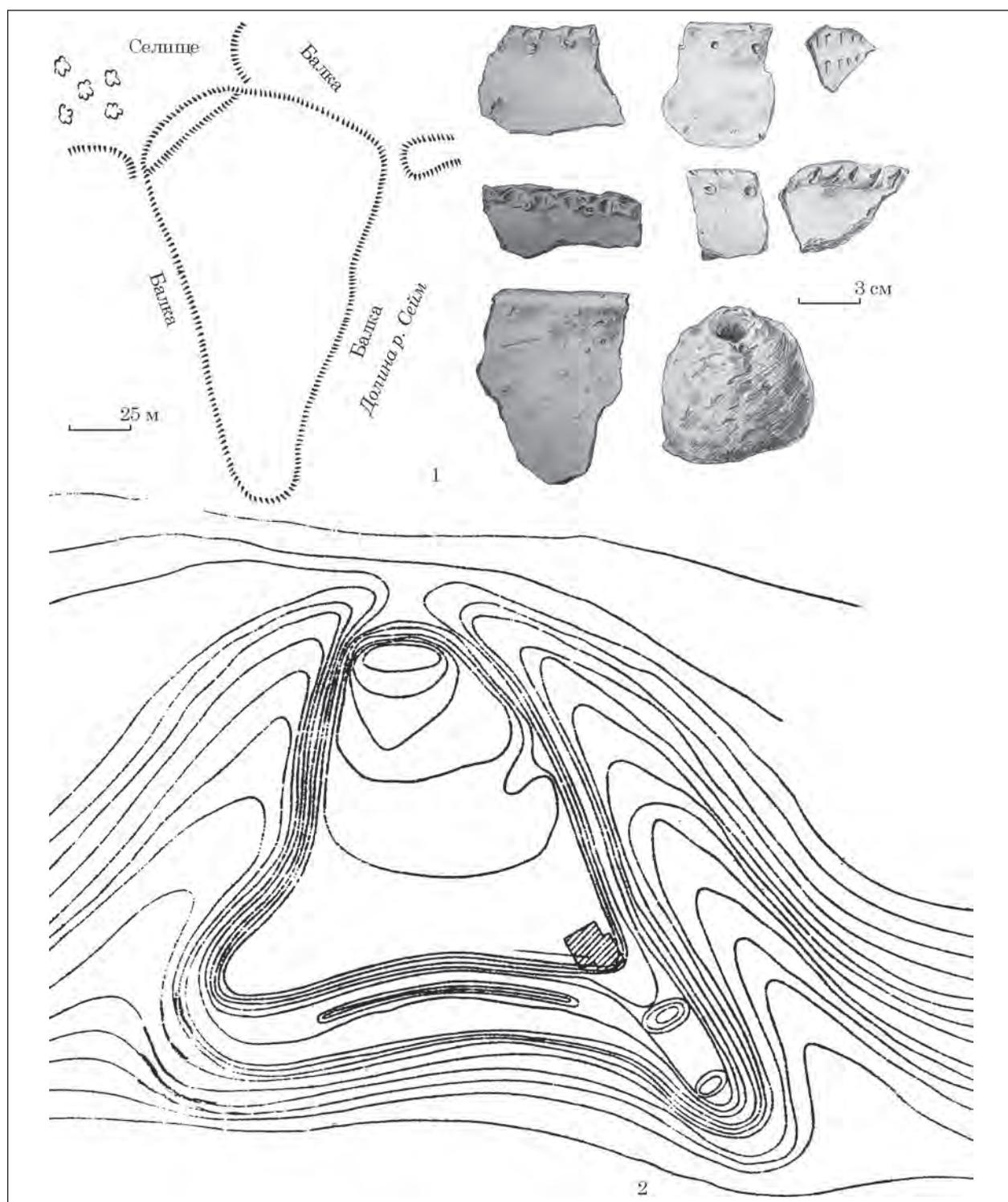


Рис. 4. Городище Ширяево: 1 — план и находки И. И. Ляпушкина 1947 г; 2 — план Д. Т. Березовца 1948 г. (1949 г?)

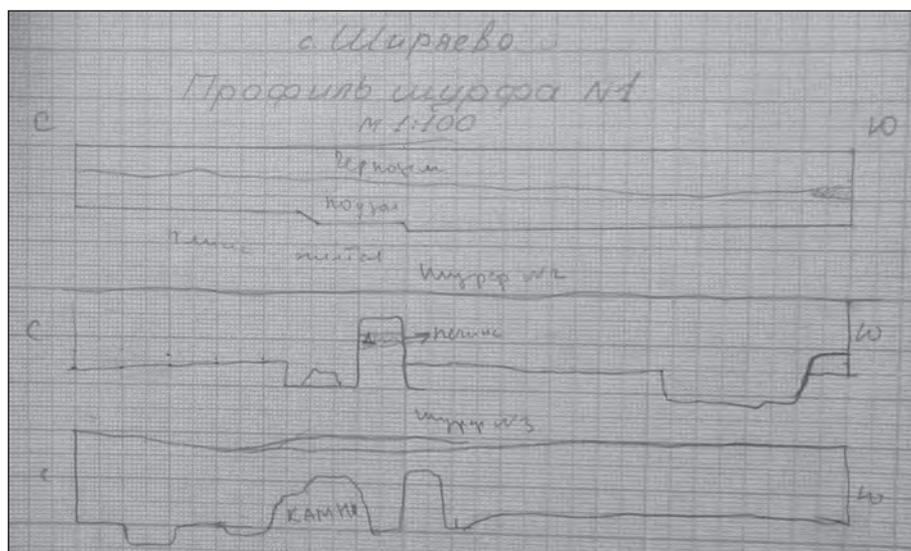
В 1948 и 49 гг. небольшие раскопки на городище провел Д. Т. Березовец (1948, с. 2—3; 1949; 1952, с. 243). Им же повторно снят план памятника, отличающийся большей детализацией (рис. 4: 2). Археологические исследования продолжила в 1950 г. В. А. Ильинская (1950; 1953). В восточном углу городища она заложила раскоп площадью 160 м² (Ильинская 1950, с. 2). Недалеке, чуть западнее, находился раскоп 2 площадью 16 м², информация о котором содержится лишь на страницах дневника. Позднее памятник обследовался О. Н. Мельниковской (1968, с. 3) и О. В. Сухобоковым (1986, с. 83). В 2012 г. был снят новый детальный план городища (рис. 5) (Плаксина, Каравайко 2012), городище занимает высокий мыс-останец (40—45 м) правого берега Сейма, возвышающийся над заболоченной поймой. Современное русло реки удалено на 7—8 км. С северо-востока и северо-запада площадка ограничена глубокими оврагами с крутыми склонами. Как и многие городища, мыс Ширяевского имеет две стрелки. На южной

фиксируется сильно оплывший эскарп, имеющий продолжение по юго-восточному склону. На вершине восточной стрелки в древности мог находиться вал, что подтверждается исследованиями В. А. Ильинской и о чем будет сказано ниже. На плане, на самой стрелке, Д. Т. Березовец отобразил два углубления напоминающие эскарпы или рвы. В целом же, наличие дополнительных укреплений на пологих склонах вполне обусловлено требованиями фортификации., городище имеет форму неправильного треугольника размерами 116 × 65 м. Общая площадь составляет 0,4 га. В северной части площадки расположен вал высотой 2 м и шириной 20 м. От плато городище отделено широкою ложбиною. Склон в этом месте подрезан на высоту 6 м. В юго-восточной части памятника находятся западины, образовавшиеся на месте раскопов 1950 г. С напольной стороны к городищу примыкает поселение с керамикой раннего железного века. Его площадь, по предварительным данным, составляет приблизительно 9,6 га.



Рис. 5. Городище Ширяево, план 2012 г. (съёмки А. В. Короти и Е. Н. Осадчего)

Рис. 6. Чертеж Д. Т. Березовца, городище Ширяево



Мыс впервые был заселен в бронзовом веке. Найденный здесь материал может быть соотнесен с культурой многоваликовой керамики. Основной слой относится к эпохе раннего железа.

Прежде всего, обратимся к результатам раскопок Д. Т. Березовца 1948 и 1949 гг. Информация крайне скудна и содержится преимущественно на страницах полевого дневника.

В 1948 г. планомерных работ на памятнике не проводилось. Во время раскопок городища «Курган» у с. Волынцево, в один из дней, основная часть рабочих по причине религиозного праздника не вышла на раскоп. Тогда Д. Т. Березовец посетил городище Ширяево, где заложил три шурфа (2 × 4; 2 × 4; 3 × 5 м) в центре площадки, на краю северо-западной и в западной частях. Однородный культурный слой достигал мощности 0,8—0,85 м.

В 1949 г. исследования длились всего два дня. В центре площадки было заложено две траншеи размерами 10 × 1 м. Мощность культурного слоя составила 1 и 1,4 м. Во второй траншее выявлены обожженные куски глины со следами прутьев. Третья траншея-шурф находилась в непосредственной близости от вала. Материал в ней отсутствовал. Еще одна траншея заложена в юго-западном углу городища. Здесь «на глубине 0,4 м есть обкладка склона городища, выполненная из разной величины кусков кварцита уложенного в два слоя с земляной прослойкой в 25—30 см толщиной» (Березовец 1949).

Полевые чертежи работ 1949 г. были утеряны в 1950 г.¹ Исключение составляет один небольшой листик миллиметровки с чертежами профилей трех траншей-шурфов (рис. 6). Исходя из них, на городище заложены еще три траншеи длиной 16 м. Мощность культурного слоя в них достигала в среднем 1,5 м. Эти и ограничивается информация о работе Д. Т. Березов-

ца на памятнике. Исследованная им площадь должна составлять приблизительно 120 м².

В 1950 г. работы на памятнике были продолжены В. А. Ильинской. Исследованиями зафиксировано, что пологий восточный склон мыса был дополнительно подсыпан и укреплен обожженной глиняной площадкой. Не исключено, что это остатки основания оплывшего вала, прикрывавшего покату стрелку мыса. В высоту по центру она достигала 0,6—0,7 м. Края покатые. Рядом находилась наземная постройка размерами не менее 8 × 8 м с глинобитным полом, двумя хозяйственными ямами и множеством ямок от столбов (Ильинська 1953, с. 110—114). Характеристика данных объектов подана в полном объеме, что избавляет нас от повторов. Лишь вкратце остановимся на одном моменте. На площади раскопа в пределах постройки и на вершине глиняной площадки найдено множество камней, порою образующих массивные скопления. Согласно автору раскопок, они относятся к периоду, когда постройка прекратила функционировать, а сами камни заготовлены для оборонительных целей (Ильинская 1950, с. 4; Ильинська 1953, с. 112, 114). Выкладка камней фиксировалась Д. Т. Березовцом и на других участках площадки (рис. 6). Вместе с тем, в процессе исследований было замечено, что на некоторых камнях присутствует вяжущая известковая прослойка, а завал у северо-западной стороны постройки осторожно соотносился с конструкцией жилища (Ильинская 1950, дневник, с. 1, 11). Во время наших работ на городище Викторове Северное в пределах постройки так же обнаружено большое количество камней, принесенных, как и на Ширяево, из отдаленных на несколько километров мест (Каравайко 2017, с. 284—286). Таким образом, вполне можно согласиться с рабочей версией В. А. Ильинской касательно строительной принадлежности камней. Маловероятно их использование в качестве метательного оружия во время обороны. Скопления камней в основе вала прослежено на Мостищенском городище на Дону.

1. В соответствии с внутренней информацией Научного архива ИА НАНУ.

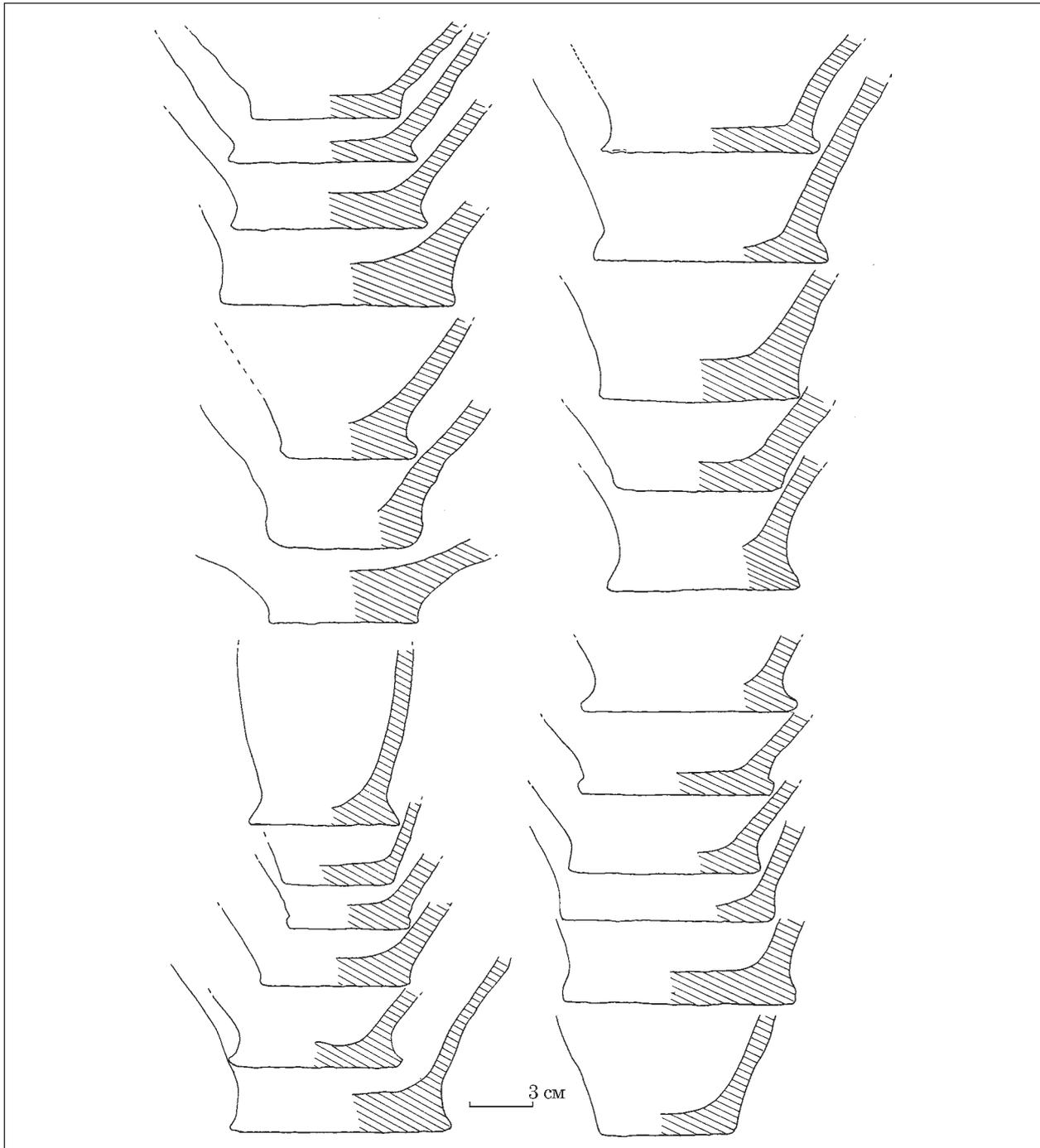


Рис. 7. Доньшки горшків з колекції раскопок городища Ширяєво 1949—50 гг.

Вероятно, они представляли собою остатки крепи- ды либо служили для закрепления деревянных конструкций (Синюк, Березуцкий 2001, с. 98).

Текст публикации 1953 г., фактически, является дуближем текста отчета 1950 г. Больше информации содержится на страницах дневника и чертежах, что позволяет нам внести некоторые уточнения. Они никоим образом не меняют общую картину и больше представляют историографический интерес. Характерной чертой исследований тех лет является игнорирование подсчетов раскопанной площади, что видно на примере городищ у с. Воргола, приве-

денного выше. Так, на Ширяевском городище был заложен еще один раскоп 4×4 м в 15 м на юго-запад от западного угла раскопа 1. Информация о нем ограничивается его размерами, месторасположением и находками из его слоя. Среди них фрагменты посуды, глиняных блоков-грузил (4 из них найдены в одной кучке), 4 пряслища, каменные песты, железная булавка, обломок бронзового браслета и стеклянная подвеска¹.

1. Согласно текста дневника и полевой описи отчета 1950 г.

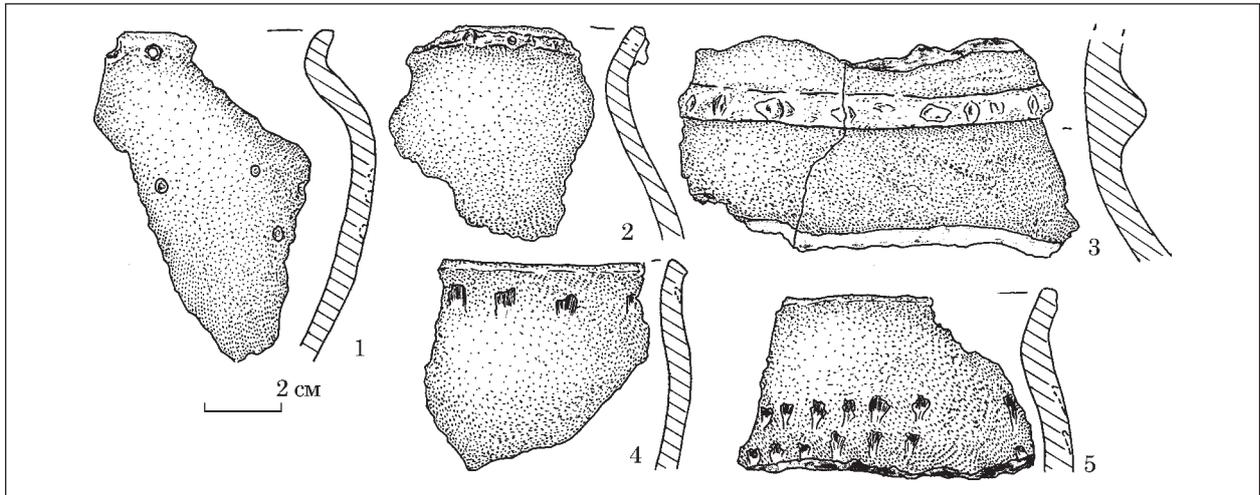


Рис. 8. Редкие типы орнамента на посуде Ширяевского городища

Таким образом, на городище в 1948—1950 гг. была исследована площадь около 300 м² (296 м²), приблизительно такая же, как и на обоих городищах у с. Воргол. Получен достаточно выразительный материал, который, к сожалению, в полной мере не был освещен.

Глиняная посуда Ширяевского городища представлена преимущественно горшками и немногочисленными обломками мисок. Иные виды емкостей единичны. Горшки тонкостенны — 0,5—1 см у стенок и венчиков; толщина днищ доходит до 2 см. Согласно фрагментам, поддающимся реконструкции, диаметр венчиков составлял от 9 до 28 см. Высота двух археологически целых сосудов — 9,5 и 13 см. При определении диаметра днищ учтено 93 фрагмента. Так, наибольшее количество горшков имело диаметр дна 8—9 см (30 и 20,4 % соответственно). Реже диаметр составлял 10 и 7 см (15 и 16 %). Максимальный диаметр в 11 см зафиксирован лишь на 4 фрагментах. Немногочисленны и небольшие сосуды с диаметром дна 5 и 6 см (7,5 и 6,4 %). На некоторых доньшках зафиксированы отпечатки зерновых. Форма днищ разнообразна: с хорошо выделенной закраиной, слегка намеченной и без нее (рис. 7).

Основной примесью в тесте является песок. Он абсолютно доминирует в сосудах небольших размеров и мисках. Редко добавляли шамот еще реже — дресву. В отдельных случаях присутствовал и песок, и шамот.

Орнамент горшков довольно однообразный. Чуть более половины всех венчиков (53,9 % из 258 учтенных фрагментов) украшены проколами, произведенными с внутренней стороны, в сочетании с декором по краю венчика в виде разнообразных вдавлений и насечек. На 28,2 % (73 фрагмента) нанесены лишь проколы, а срез венчика оставался гладким. В 10,9 % ситуация прямо противоположна. Орнамент присутствовал только по верхнему краю сосуда. Незначителен процент неорнаментированных горшков — 4,2 %. Редкими типами декора являются

следующие: жемчужный орнамент в сочетании с насечками по краю венчика (2 фрагмента); округлые вдавления (штамп) по тулубу вместе с проколами под венчиком (1 фрагмент); наклепной валик и его имитация под венчиком (2 фрагмента). На двух обломках горшков, по плечикам, присутствовали вдавления, сделанные косо поставленной палочкой-щепкой (рис. 8).

При анализе форм горшков с раскопа 1950 г. В. А. Ильинской было выделено три типа. Горшки, отнесенные к первому, были широко распространены на памятниках Левобережной Лесостепи. Посуда же второго и третьего типов являлась, по ее мнению, местной, характерной для населения бассейна Сейма (Ильинская 1950, с. 9—10; Іллінська 1953, с. 115). Долгое время для каждого памятника использовалась своя типология, разработанная его исследователем. Очевидно, что применение единой схемы для широкого круга поселений отдельно взятой территории, на сегодняшний день, не только приемлемо, но и методически обосновано. Опираясь на последние разработки (Пеляшенко 2014, с. 32—41), подробнее рассмотрим типологию керамики Ширяевского городища. Всего было учтено 172 фрагмента венчиков, позволяющих говорить о типе горшков. Подавляющее их большинство (80,8 %) относится к слабопрофилированным горшкам (тип 1 по: Пеляшенко 2014, с. 33—36)¹. Наибольшее количество венчиков (51,1 %) принадлежат горшкам второго варианта с коротким слабо отогнутым венчиком и короткою шейкой, переходящей в слабопрофилированный бочонковидный корпус (рис. 9: 1—4). Такая посуда найдена на

1. Типология К. Ю. Пеляшенко, к сожалению, не учитывает специфику форм горшков с памятников Посеймья. Часть из них отличается высоко поднятыми плечиками, что сближает их с горшками лесной юхновской культуры. Возможно, их следует выделять в отдельный вариант 1 типа. Более детальный анализ посуды Путивльского Посеймья запланирован в совместной статье автора и К. Ю. Пеляшенко.

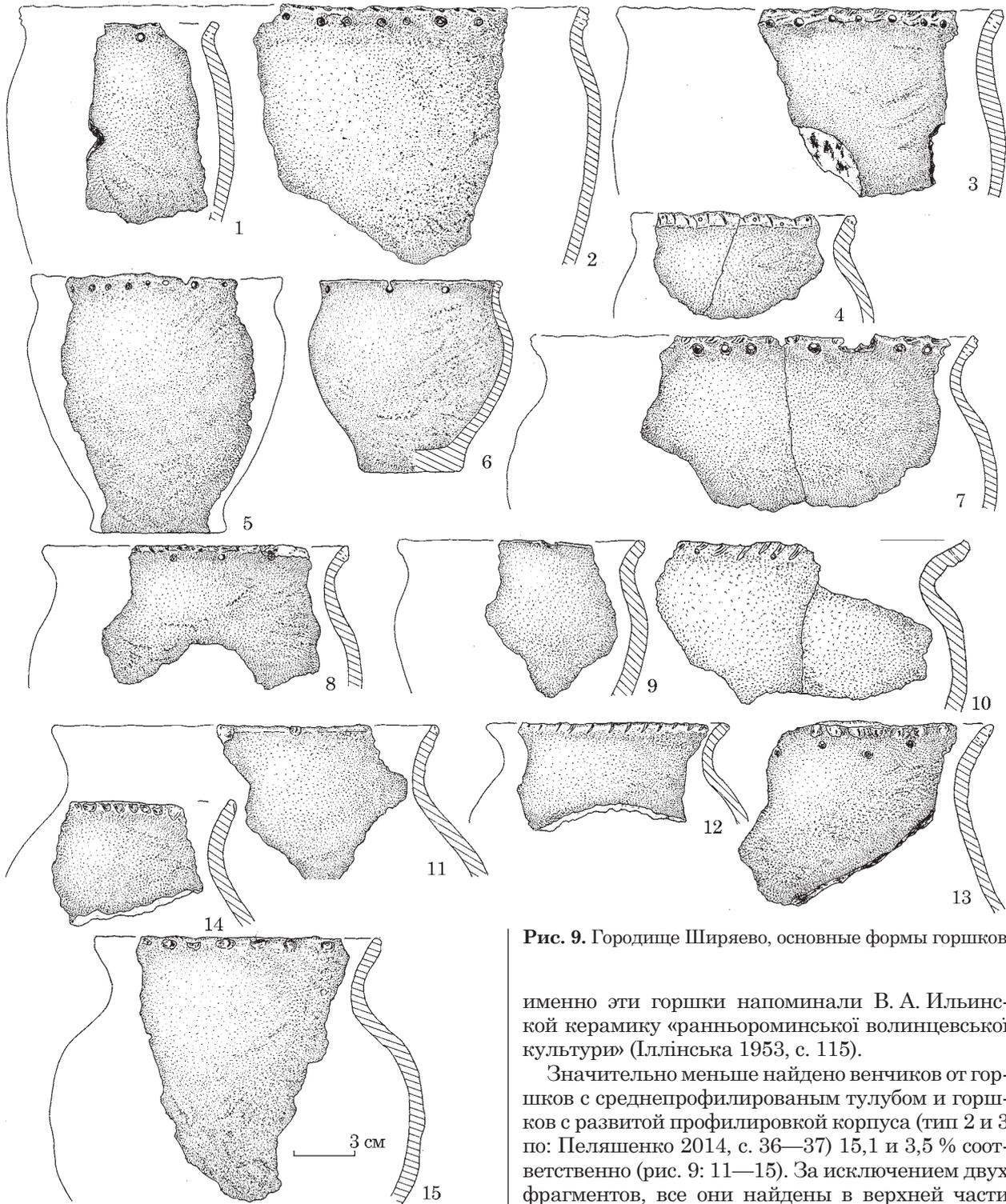


Рис. 9. Городище Ширяєво, основні форми горшків

именно эти горшки напоминали В. А. Ильинской керамику «ранньороминської волинцевської культури» (Іллінська 1953, с. 115).

Значительно меньше найдено венчиков от горшков с среднепрофилированным тулубом и горшков с развитой профилировкой корпуса (тип 2 и 3 по: Пеляшенко 2014, с. 36—37) 15,1 и 3,5 % соответственно (рис. 9: 11—15). За исключением двух фрагментов, все они найдены в верхней части культурного слоя до глубины 0,9—1,1 м. Отличаются эти горшки и своим декором. Основным типом орнамента на них являются разнообразные вдавления и насечки, выполненные по краю венчика, лишь изредка сочетаются с проколами. Последний вид орнамента абсолютно доминирует на горшках первого типа.

Распределение горшков Ширяевского городища по типам с учетом глубины находки полностью подтверждает выводы К. Ю. Пеляшенко, сделанные на материалах памятников Днепродонской Лесостепи. Так, керамика 1 типа, где

разных глубинах, от самого верха до уровня материка. 28 % или 48 фрагментов венчиков принадлежит к первому варианту — горшки с плавно отогнутым венчиком и выраженной широкою шейкою, переходящей в слабопрофилированный тулуб (рис. 9: 5—9). Также найдены по всей глубине слоя, но основная часть фрагментов таких сосудов концентрировалась в его нижней части. Всего три фрагмента венчиков можно условно отнести к 3 варианту — горшки с широким горлом и сильно отогнутым краем (рис. 9: 10). Видимо

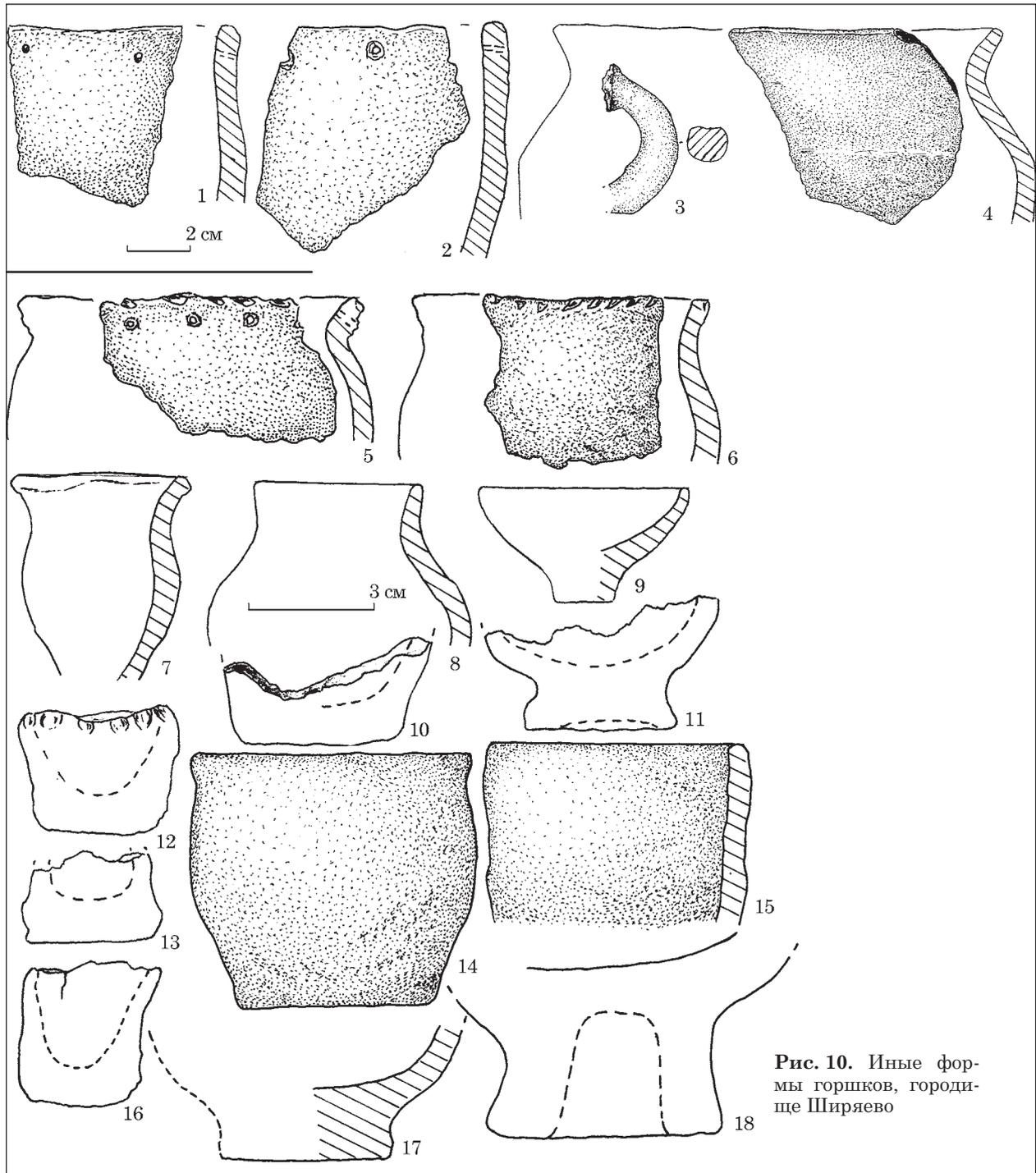


Рис. 10. Иные формы горшков, городище Ширяево

горшки второго варианта является наиболее распространенными, характерна для всего скифского периода. В раннескифское время процент такой посуды наиболее велик, а к IV в. до н. э. он постепенно снижается. Горшки 2 и 3 типов появляются в среднескифское время, и они не характерны для архаичных керамических комплексов (Пеляшенко 2014, с. 33—39). Таким образом, горшки Ширяевского городища с раскопок 1949—50 гг. абсолютно идентичны посуде памятников скифского времени Левобережной Лесостепи, естественно, учитывая локальные особенности последних, о чем сказано выше. Исключение составляют два

фрагмента венчиков, украшенных косыми насечками (рис. 8: 4—5). По своей форме и орнаментации они аналогичны керамике юхновской культуры. Короткий венчик слегка отогнут, шейка небольшая, плечики высоко подняты.

Среди прочей керамики — два венчика от сосудов-банок, ручка кружки, фрагмент венчика горшковидного лощеного кубка (рис. 10: 1—4). Миниатюрные сосудины и сосуды малых форм представлены как маленькими горшочками, повторяющими по форме и орнаментации бытовую посуду, так и формами, характерными только для мелкой глиняной пластики (рис. 10: 5—18).

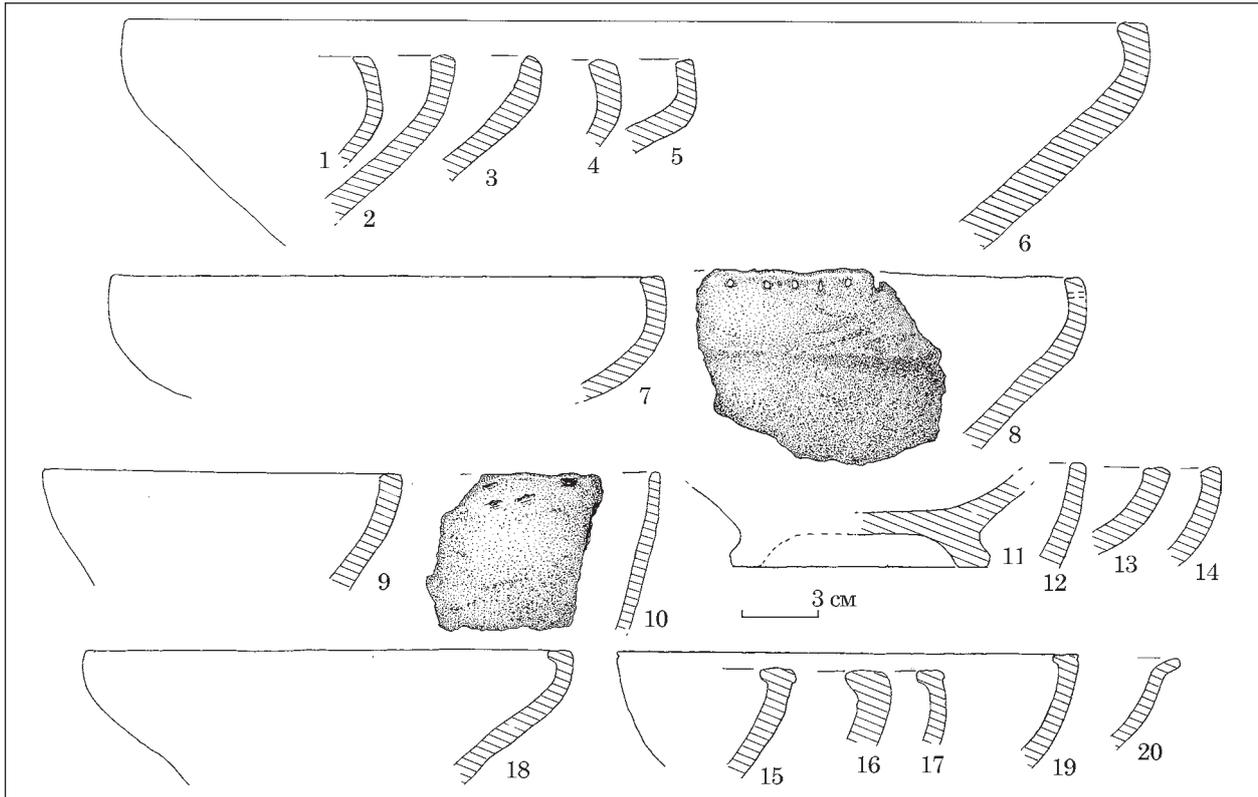


Рис. 11. Находки фрагментов мисок



Рис. 12. Обломки амфор

И. И. Ляпушкин, проведя широкомасштабные разведки на памятниках бассейна р. Сейм, отмечал ряд особенностей местной материальной культуры, в частности, малое количество находок **мисок** (Ляпушкин 1950, с. 60). В результате исследований 1949—50 гг. Ширяевского городища найдено 21 фрагмент мисок 19 из которых — венчики. В большинстве случаев они выявлены в верхней части культурного слоя на глубине до 0,9 м. Диаметр венчиков составлял

от 14 до 40 см. Орнамент на мисках Ширяево, как и на остальных памятниках Левобережья, наносили редко. Так один фрагмент украшен проколами, на втором — нанесены небольшие насечки под венчиком (рис. 11: 8, 11).

Миски из коллекции раскопок 1949—50 гг. представлены несколькими типами (по: Пеляшенко 2014, с. 54—65): с округлым корпусом и вертикально поставленным бортиком (тип 4) — 8 шт.; с прямыми краями и коническим или ок-

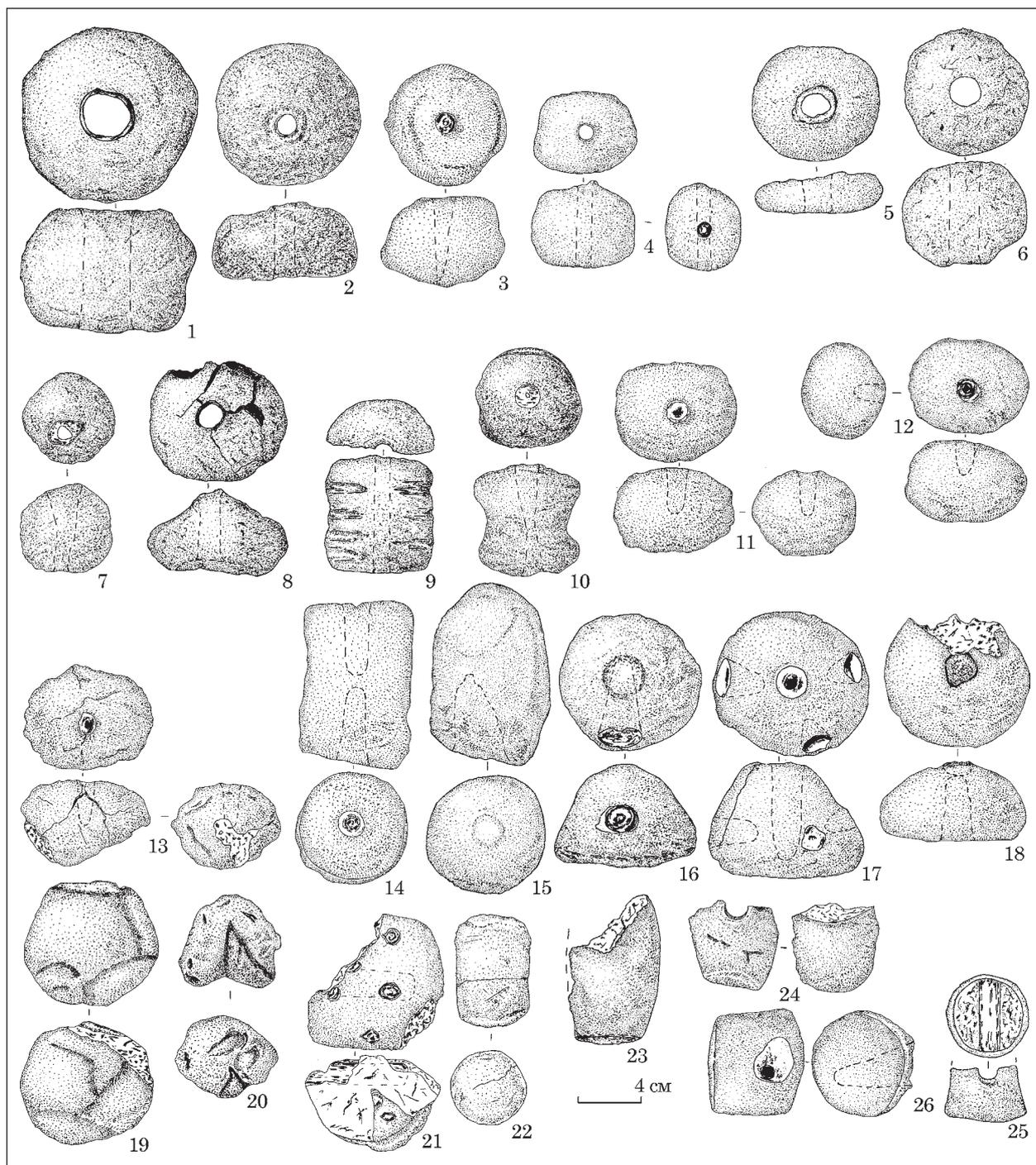


Рис. 13. Глиняные грузила, конусы

ругло-коническим корпусом (тип 5) — 5 шт.; с резко загнутой под прямым углом закраиной (6 тип) — 5 шт. Найден лишь один венчик миски с отогнутым широким краем (тип 7) бытовавшим в предскифское и раннескифское время (рис. 11). Все остальные типы использовались населением Днепро-Донской Лесостепи на протяжении всего скифского времени (Пеляшенко 2014, с. 62—64).

Из раскопок Д. Т. Березовца происходит 9 фрагментов античных амфор, три из которых, безусловно, принадлежат одному сосуду

(рис. 12). К сожалению, глубины находок не указаны. Отсутствие профилирующих частей крайне снижает информативность данного материала. По характеру глиняного теста можно говорить лишь об их северо-эгейском происхождении. Определение даты и центра производства крайне затруднительно¹. Среди прочих фрагментов обращает на себя внимание обломок амфоры со следами затёртости по краям. Вероятно, он был использован как лоцило или

1. Консультация получена от А. В. Каряки.

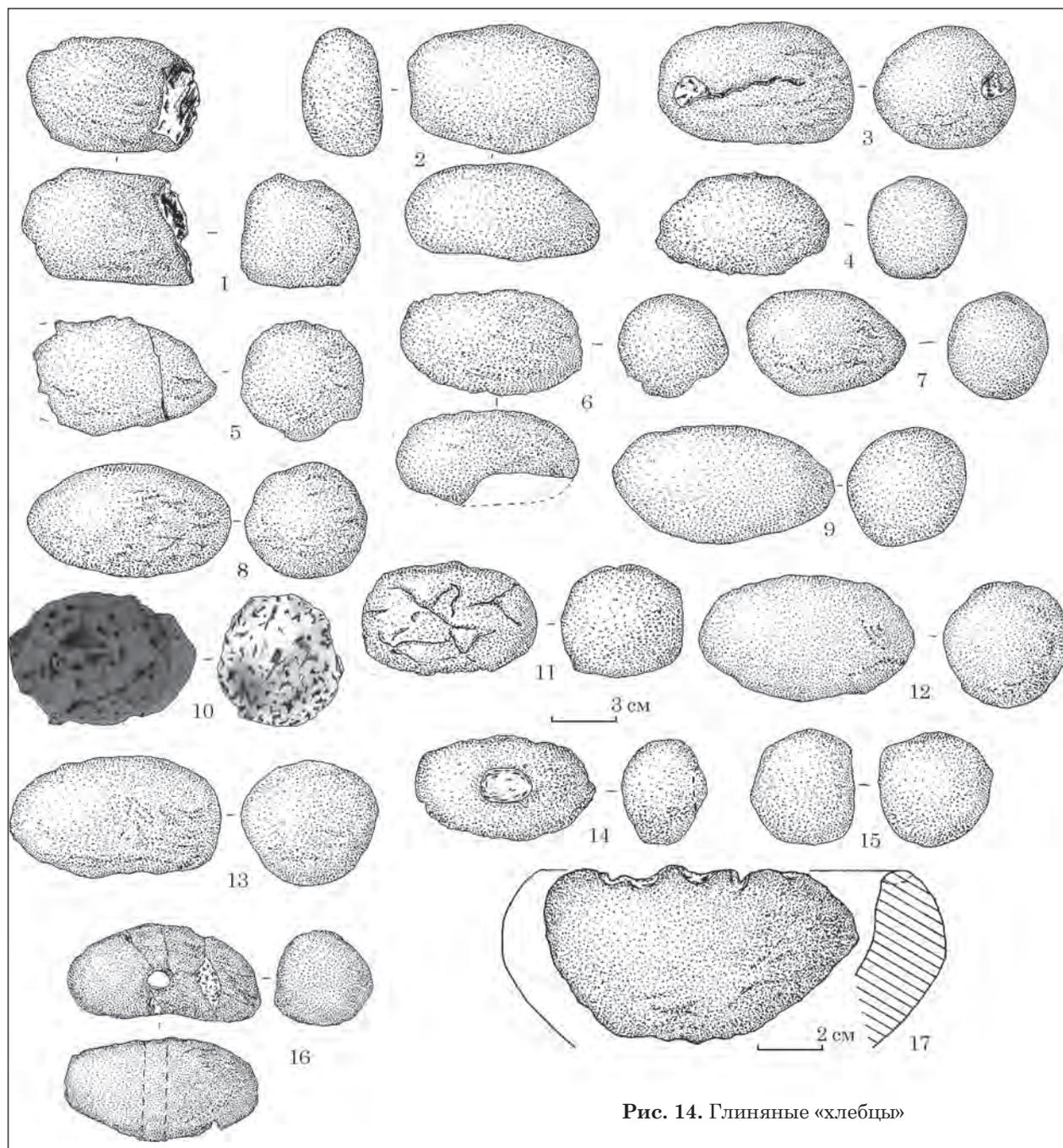


Рис. 14. Глиняные «хлебцы»

же оселок. Аналогічна находка происходит с городища Посеймья «Скиток» у с. Новая Слобода (Каравайко 2015, с. 74, рис. 8: 4). Для памятников скифского времени Посеймья находки античной керамики явление редкое. Так, на полностью исследованных городищах Кузина Гора и Марица они единичны. В частности, на последнем, при общей раскопанной площади в 4000 м², их найдено всего 24 фрагмента (Пузикова 1981, с. 41), а на городище Переверзево I античный импорт и вовсе отсутствует (Пузикова 1997, с. 37).

Публикуя результаты исследования городища Ширяево, В. А. Ильинская отмечала большое количество находок изделий из обож-

женной глины¹. Вслед за М. В. Воеводским, проводившем раскопки на юхновских городищах Десны, она называла их грузилами. Их предназначение определялось как грузик рыболовных сетей или же для иных целей (Ильинська 1953, с. 117). Подобные находки по своим формам и размерам различаются, что позволяет предположить и их различные функции.

Глиняные грузила с отверстиями в коллекции представлены немного более чем 34 предметами (рис. 13: 1—10). Самое большое из них имеет размеры 11,4 × 8 см, наименьшее — 6,5 ×

1. При подготовке публикации материалов коллекции учтено 70 таких изделий.

5,5—4,9 см. Отверстие выполнено небрежно. Его диаметр составляет 1—2 см. На некоторых экземплярах одна часть прокола имеет стандартный размер, в то время как вторая предельно узка — всего 0,2—0,5 см. Качество обжига грузил или хорошее, или удовлетворительное. Их поверхность, как правило, неровная и шершавая. В тесте изредка видны примеси песка и органики. Формы грузил в сечении разнообразны: прямоугольные или приближенные к квадрату, округлые, конические, цилиндрические и цилиндрические с перехватом по центру. Орнамент отсутствует. На некоторых экземплярах

видны следы затирания в виде углубленных линий, небольшие параллельные вдавления.

Аналогичные грузила являются массовой находкой на городищах юхновской культуры. По качеству обработки поверхности, обжигу и контексту находки были выделены отдельно изделия, предназначавшиеся для рыболовных сетей, отдельно для ткацкого станка (Каравайко 2007; Горбаненко, Каравайко 2012, с. 46—47). Для грузил Ширяевского городища сделать подобное распределение пока не представляется возможным. Очевидно, что часть из них использовалась для сетей. О развитом ры-

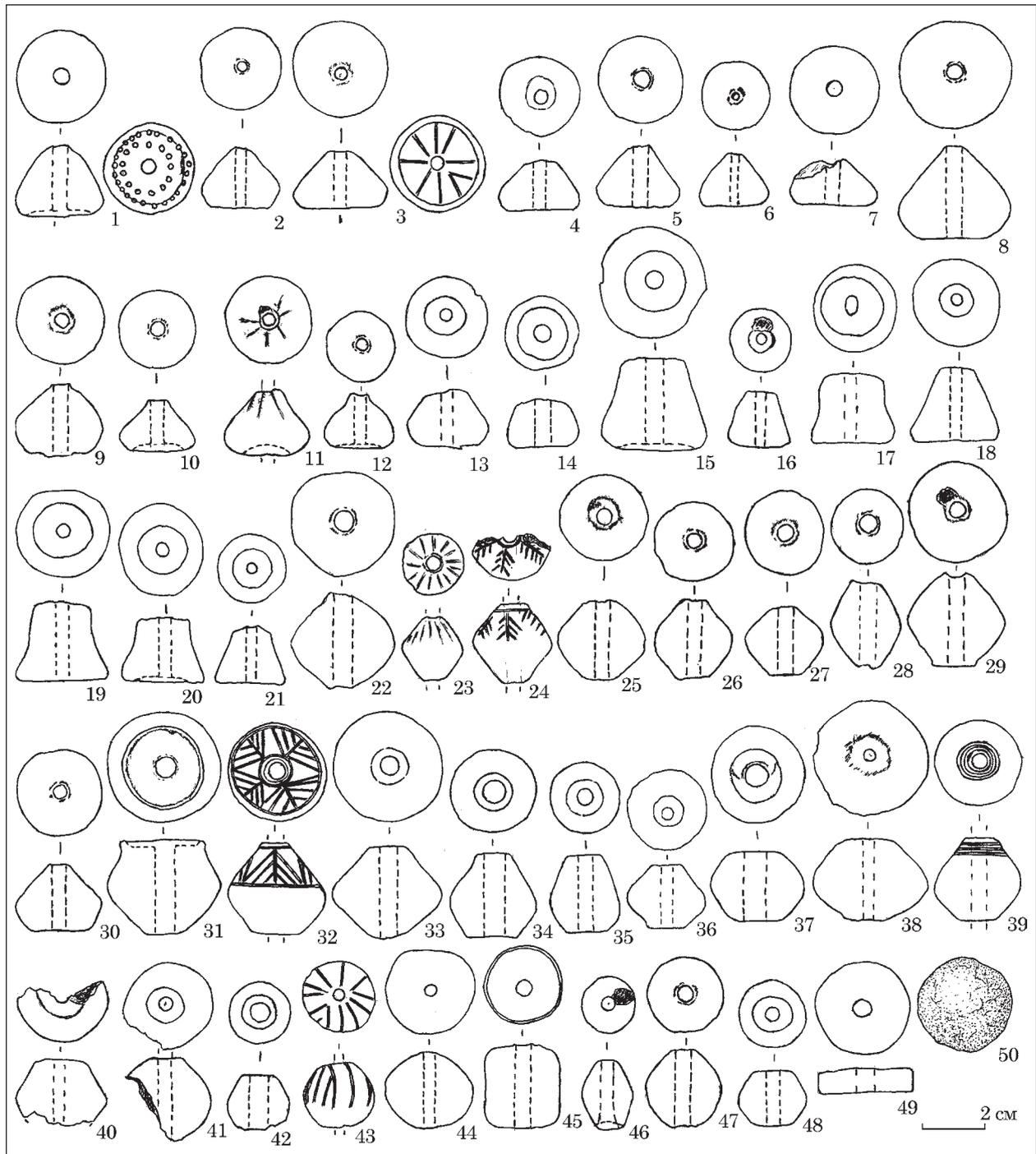


Рис. 15. Глиняные пряслица



Рис. 16. Находки из камня и кости

боловстве свидетельствуют и находки рыбьей чешуи (Іллінська 1953, с. 119). Безусловно, они могли быть и полифункциональными.

На основании раскопок Жадинского городища, А. И. Пузикова пришла к выводу, что грузила бытуют на памятниках Посеймья лишь в VI в. до н. э. (1997 с. 78). Находки этих изделий по всей толщине культурного слоя городища Ширяево свидетельствуют об их использовании на протяжении всего скифского времени.

Ряд так называемых грузил не имел отверстий. Вместо него нанесено одно или реже несколько глубоких вдавлений (рис. 13: 11—18). Форма таких изделий округлая (овальная), цилиндрическая или коническая. Размеры такие же, как и средние размеры грузил. Обращает на себя внимание коническое «грузилце» в котором изначально получилось сквозное отверстие (рис. 13: 18). Перед обжигом его залепили небольшим ку-

сочком глины, что говорит о том, что для данного изделия принципиально необходимо было именно глубокое вдавление. Соответственно такие предметы не крепились при помощи нити и не использовались для сетей или ткацких станков. В отверстие могла вставляться палка.

Несмотря, что разнообразные глиняные блоки являются не редкой находкой, вопрос о предназначении этих предметов остается открытым, на что не раз указывали исследователи. Б. А. Шрамко, предполагал, что они были полифункциональными и могли использоваться в качестве подставок для лучины или шампура, не исключая функцию грузиков рыболовных сетей (Шрамко 1998, с. 117). По мнению А. Е. Алиховой, блок с небольшой ямочкой являлся подставкой для тигля (1962, с. 109, рис. 13). Интересно, что в коллекции с раскопок Ширяевского городища отсутствуют так назы-

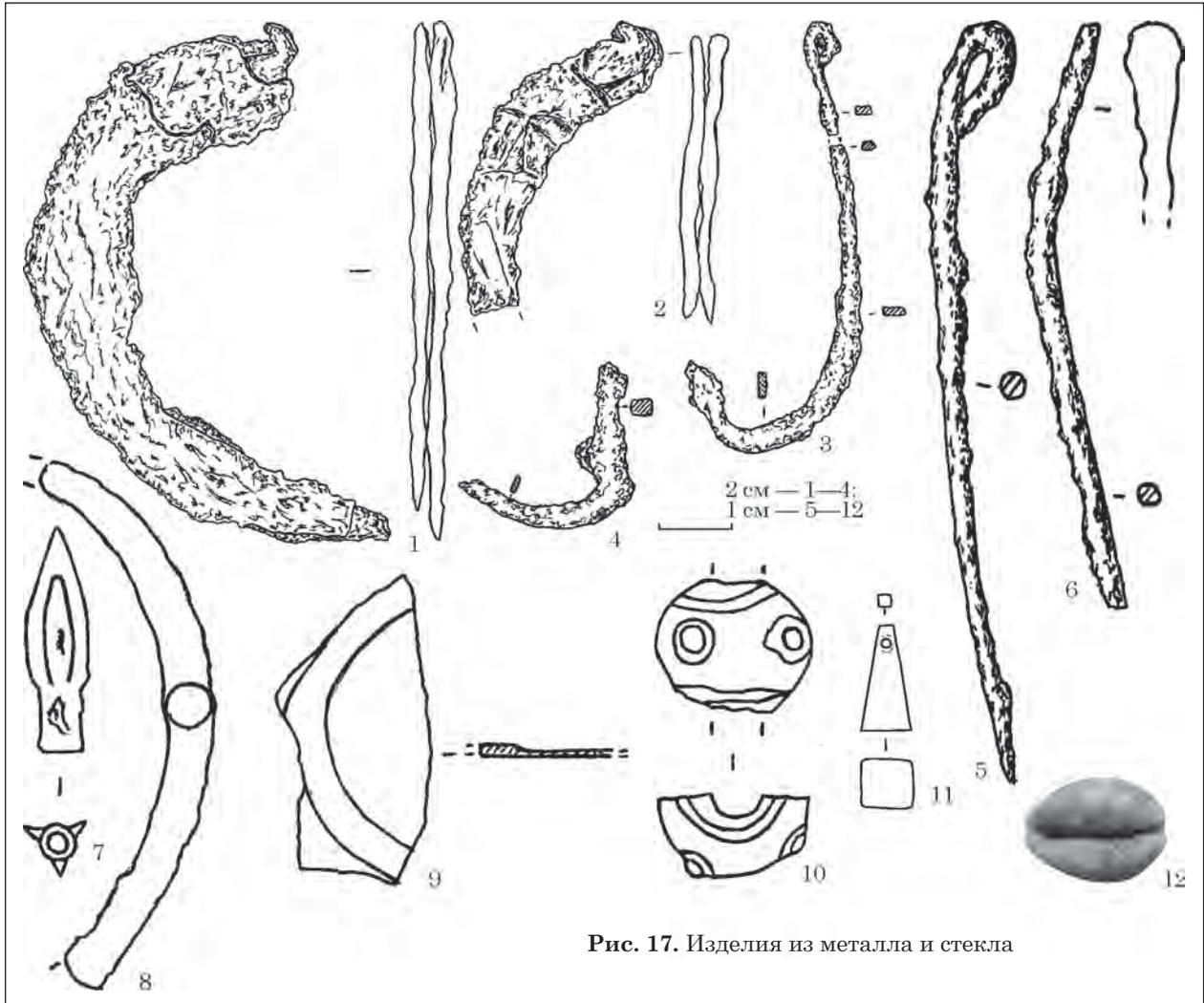


Рис. 17. Изделия из металла и стекла

ваемые конусы, широко распространенные на иных памятниках Лесостепного Левобережья, и в частности на Кнышевском городище (Гавриш 2000, с. 106, рис. XXVI: 15). Именно они, по мнению А. Л. Щербаня, использовались на ткацких станках (Щербань 2007, с. 61—64, рис. 16).

Три глиняных предмета в форме шара, конуса и цилиндра вообще не имели ни отверстий, ни вдавлений (рис. 13: 19, 20, 22). При этом, конус вылеплен особо небрежно. Другие же изделия фрагментированы (рис. 13: 21—26). Некоторые из них отличаются особо тщательно заглаженной поверхностью. Орнамент в виде неровных вдавлений присутствовал лишь на одном предмете. Можем лишь предположить, что описанные грузила-блоки, по крайней мере часть из них, могли быть орудиями для работы гончара с глиной. Так, в археологических культурах Непала середины I тыс. до н. э. — первой половины I тыс. н. э. известны глиняные конусы с несковозным отверстием, схожие на описанные выше. Древние гончары, одевая их на палочку, обрабатывали внутреннюю нижнюю часть сформированного сосуда (Кашкин 1981, с. 242, 246).

Нельзя не отметить довольно большое количество находок грузил и грузил-блоков на горо-

дище Ширяево. Подобные изделия в большом количестве найдены на памятниках юхновской культурой и наряду с некоторыми иными вещами определяют специфику материального комплекса этого лесного населения (Каравайко 2012, с. 100). Массовое употребление грузил на Сейме может объясняться не столько влиянием со стороны соседей, сколько схожим хозяйственно-культурным типом.

Еще одной категорией глиняных вещей являются так называемые *хлебцы*. Их в коллекции насчитывается 15 целых экземпляров (рис. 14). Длина таких изделий в среднем 8—10 см, ширина (высота) — 5—6 см. Поверхность некоторых хлебцов хорошо заглажена, а некоторых — крайне неровная, шершавая и вся в трещинках (рис. 14: 10). Обжиг хороший. Часть таких предметов имеет «площадку», благодаря которой они находятся на поверхности в устойчивом положении. Одно изделие имеет сквозное отверстие и несколько выгнутую форму (рис. 14: 16).

Глиняные хлебцы являются довольно частой находкой на городищах юхновской культуры, памятниках лесостепной зоны и на тех же поселениях Посеймья. Они выявлены поодиночке или же в скоплениях. Вопрос же об их предназначе-

нии, как и в ситуации с разнообразными глиняными блоками, остается открытым. Как правило, их соотносят с кулевой сферой (Пузикова 1997, с. 78). Не исключено, что они являются моделью хлеба, выпекаемого древними жителями поселения (Каравайко 2017, с. 286). Интересна находка глиняного бортика жаровни (?) с того же городища Ширяево. Толщина стенки — 2—2,2 см, диаметр по верху — 11 см. По краю украшен пальцевым вдавлениями. В тесте примеси мелкой дресвы и шамота (рис. 14: 17). Такое блюдо вполне могло использоваться для выпекания хлеба той формы, которую имеют глиняные хлебцы. Правомерным будет замечание о проблематичности выпечки такого хлеба без использования дрожжей. И все же она возможна, хоть тесто по своим вкусовым качествам не будет соответствовать современным стандартам.

В пользу культового предназначения хлебцов говорит их находка в тризне погребения юхновской культуры на городище Киселевка II (Каравайко 2010, с. 254, рис. 14; 2012, с. 103). Здесь их можно рассматривать в качестве приношения покойнику, как заупокойную трапезу. Как предположение, в данных хлебцах можно увидеть и увеличенную копию зерен злаковых и трактовать их как символ новой жизни или возрождения. Возможность сакрального использования не исключает и бытовую функцию хлебцов. В противном случае сложно объяснить большое количество таких находок на относительно небольшой раскопанной площади.

Еще одной категорией технической керамики являются *пряслица*. В коллекции раскопок 1949—50 гг. они представлены 49 экземплярами (рис. 15). Наибольшее их количество, по типологии А. Л. Щербаня (2007, с. 37—39, додаток В1), имеет форму конуса (21 шт.) или же биконические (21 шт.). Пряслица разных подтипов для каждого типа составляют приблизительно одинаковое число. Иные формы представлены единичными экземплярами (сфера — 4 шт.; цилиндр — 1 шт.). Два пряслица изготовлены из фрагментов сосудов (рис. 15: 48—49). Одно из них, биконической формы, выполнено из ручки (?) амфоры. Предназначение еще одного предмета, в виде обожженного глиняного шарика диаметром 3 см, не ясно (рис. 15: 50).

Орнаментированных пряслиц немного, всего 7 штук (рис. 15: 1, 3, 23, 24, 32). Декор представляет собою прочерченные линии, расходящиеся в разные стороны от отверстия. В одном случае они дополнены маленькими штришками, что образует так называемый елочный орнамент. Одно изделие украшено заштрихованными треугольниками, другое — двумя кругами округлых вдавлений. Анализируя орнаментацию пряслиц с поселений Левобережной Лесостепи скифского времени, А. Л. Щербань считает, что его нанесение было связано с культом плодородия (2007, с. 124).

Орудия из камня немногочисленны. Преимущественно это терочки округлой формы диаметром от 6 до 11 см (рис. 16: 1—2). Возможно именно для растирания не столь крупного как зерно материала, предназначен был округлый диск диаметром 4 см и высотой 1,2—1,5 см (рис. 16: 3). Среди прочих находок — небольшой оселок размерами 4,7 × 1,2 × 1,5 см с круглым отверстием для подвешивания (рис. 16: 4).

Культурный слой городища насыщен костями как домашних, так и диких животных. Материал, полученный в ходе раскопок 1950 г незначителен (442 кости домашних и 63 диких животных). В стаде домашних животных преобладали крупный рогатый скот и свинья. На втором месте — конь и мелкий рогатый скот. Объектами охоты преимущественно были лось, олень и дикая свинья (Ильинская 1950, с. 13—14; Іллінська 1953, с. 119). Находки *изделий из кости* немногочисленны. В основном это проколки, выполненные из ребер и трубчатых костей (рис. 16: 5—10). Из рога оленя изготовлено орудие труда, напоминающее мотыгу (рис. 16: 11).

Среди *железных предметов находки* двух булавок с петлевидными головками. Верх одной из них сильно коррозирован, что позволяет лишь предполагать наличие здесь петли (рис. 17: 5—6). Подобные украшения относятся к 21 типу 2 варианту (по В. Г. Петренко) и были широко распространены прежде всего, у населения Правобережной Лесостепи и ворсклинской группы (Петренко 1978, с. 18, табл. 12: 16—28; Шрамко 1987, рис. 12: 11; 14: 6; 20: 1), а также на других памятниках Левобережья (Гречко 2010, рис. 77: 1—5). Схожая булавка найдена и на городище Викторovo, так же расположенном в Путивльском Посеймье (Каравайко 2017, с. 284, рис. 5: 2). А вот на полностью исследованных городищах Курского Посеймья (Марица, Кузина Гора и Переверзево I) находки данного типа булавок отсутствуют (Алихова 1962, с. 105—106; Пузикова 1981, с. 79—81; 1997, с. 62—63).

В одной из ямок жилища найдены четыре железных предмета: два серпа, один из которых сохранился полностью, рыболовный крючок и орудие труда, предназначение которого, из-за его фрагментарности, не ясно (рис. 17: 1—4). Оба серпа состояли из двух спаянных пластин (рис. 17: 1—2). Их подробное описание подано в статье В. А. Ильинской (1953, с. 117), что избавляет нас от повтора. Они относятся к 3 типу, по Ю. А. Краснову, немногочисленной находкой на памятниках скифского времени Лесостепи (к тому же отличаются изгибом лезвия) и находят прототипы в серпах срубной культуры (Краснов 1971, с. 73; Либеров 1962, с. 40, рис. 9: 1; Гречко 2010, рис. 90: 1, 8—9). В Посеймье схожий серп происходит с городища Марица (Пузикова 1981, с. 65, рис. 37: 28). Для юхновских городищ этого микрорегиона характерен иной тип серпа — с перпендикулярным к лезвию черенком (Алихова 1962, рис. 5: 10—12; Мельниковська, Симонович

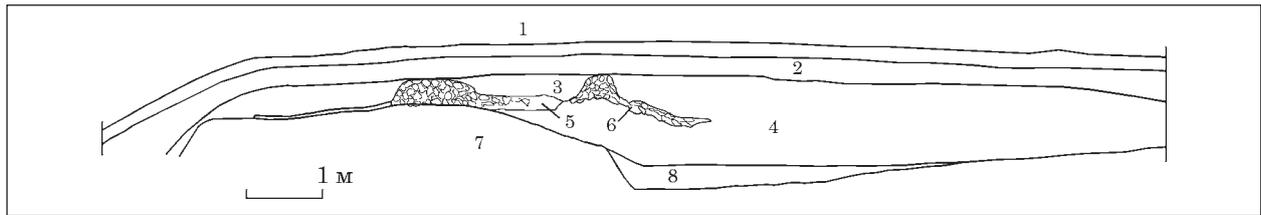


Рис. 18. Разрез раскопа В. А. Ильинской 1950 г.: 1 — дерновый слой; 2 — гумусный чернозем с большим количеством камней; 3 — чернозем; 4 — серый золистый слой; 5 — желтая глина; 6 — камни; 7 — обожженная площадка; 8 — коричневатый слой, пол жилища

1975, с. 80). Такие формы найдены и на городище Переверзево I (Пузикова 1997, рис. 22: 22).

Условие находки данных изделий, а также их различная функция, позволяют сделать предположение, что они, как наиболее ценное имущество, были спрятаны во время угрозы грабежа.

Находки из бронзы немногочисленны. Среди них скифский трехлопастный наконечник стрелы с удлинённой втулкой и обломок круглого в сечении браслета или гривны (рис. 17: 7—8). Ещё один предмет из коллекции, вероятно, происходит с раскопок Д. Т. Березовца. Это обломок округлой пластины с небольшим бортиком (рис. 17: 9). Не исключено, что найден он на городищах у с. Воргол, да и датировка скифским временем под вопросом.

Украшения представлены двумя фрагментами пастовых бусин, один из которых голубого цвета не сохранился. Второй имел темно синий практически черный цвет, с зеленым глазком, белыми полосками и кружками у глазка (рис. 17: 10). Размеры — 2,2 × 1,8 см. Прямой аналогии данной бусине в сводах Е. М. Алексеевой нет. Наиболее близкий, но не аналогичный по орнаменту экземпляр относится к типу 363 и датируется первыми веками нашей эры (Алексеева 1978, с. 54, табл. 32: 13).

Еще одна бусина-привеска, выполненная из светло голубого, стекла имела пирамидальную форму (рис. 17: 11). Абсолютно аналогичная находка происходит с Кнышевского городища (Гавриш 2000, с. 111, рис. XXXII: 31) и многих других памятников Лесостепи скифского времени (Гречко, 2010, рис. 78: 16; 80: 8). На дне постройки (по тексту статьи В. А. Ильинской) или на глубине 0,9 м (судя по инвентарной описи материала) найдена раковина каури (рис. 17: 12).

Еще одна категория находок о которых информация есть в отчете и отсутствует в статье 1953 г. — это *разрозненные человеческие кости* (Ильинская 1950, с. 15). Найдены они по всей толщине культурного слоя. Среди костей обломки нижней челюсти и черепной коробки, плечевая, малая и большая берцовые кости. Отмечая факт наличия отдельных костей на Ширяевском городище и ряде других памятников левобережной Лесостепи, В. А. Ильинская считала, что это не дает оснований для отождествления давнего населения с андрофагами, упомянутыми Геродотом, а «питания про

знахідки людських кісток в культурних шарах різних поселень мабуть знайде собі якесь інше, буденне пояснення» (Іллінська 1970, с. 35). Кроме того, анализ показал, что кости не были сварены и не находились в огне (Ильинская 1950, с. 15). На многих дьяковских городищах найдены разрозненные кости скелета человека. Их вполне можно рассматривать как переложённые остатки первичных захоронений, а соответственно предполагать многоступенчатый обряд погребения (ингумация, до полного или частичного разложения мягких тканей, с последующей эксгумацией и кремацией на стороне) (Кренке 2011, с. 211—214). Не исключено, что наличие людских костей в слое Ширяевского городища следует объяснять именно так.

Несколько слов о *хронологии памятника*. Дата Ширяевского городища определялась В. А. Ильинской на основе находки наконечника стрелы, время бытования которого ограничивалось временем не позднее конца VI — начала V вв. до н. э. Обнаружен он непосредственно на глиняной площадке вала. Исходя из этого сделан вывод, что «культурные остатки ниже площадки принадлежат к более раннему времени, собственно VI в. до н. э., а жилище и вышележащие слои к V в. до н. э. и последующим периодам скифского времени» (Ильинская 1950, с. 7). Вопрос датировки городища, по мнению исследовательницы, нуждался в дополнительных разработках, на основе большего количества фактов (Іллінська 1953, с. 114). Исходя из этого, еще раз обратимся к материалам раскопок и прежде всего керамике. Как было сказано выше, только в верхней части культурного слоя на глубине до 0,9—1,1 м найдены фрагменты профилированных горшков, украшенных преимущественно разнообразными пальцево-ногтевыми вдавлениями. Повторимся, что такие формы характерны для среднескифского и более позднего периодов и не свойственны времени архаики.

На этом же уровне найдена и стеклянная пирамидальная подвеска. Время бытования таких украшений, ограничено V—IV вв. до н. э. (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, с. 132, рис. 41: 38), концом V — началом IV вв. до н. э. (Болтрик, Фиалко 2009, с. 79), последней четвертью V — первой половиной IV вв. до н. э. (Гречко, Шелехань 2012, с. 75—77). На античных памятниках Северного Причерноморья

такі бусини знайдені в комплексах IV—III вв. до н. е. (Алексеева 1978, с. 69, табл. 33: 35).

Исходя из глубин находок, к данному хронологическому срезу можно отнести обломки бронзового браслета или гривны и, вероятно, половинку пастовой бусинки.

В нижней части культурного слоя абсолютно преобладает керамика 1 типа. Здесь же найдены два железных серпа, рыболовный крючок, железное орудие труда, две булавки с петлевидной головкой. Бронзовый наконечник стрелы, датируемый на сегодняшний день рубежом VII—VI вв. до н. э., вероятнее всего синхронен указанным вещам.

Таким образом, широкая датировка городища Ширяево в пределах VI—IV вв. до н. э. вполне оправдана. Не противоречит этому и мощность культурных напластований. Предварительно можем выделить два хронологических среза (периода) для данного памятника. Первый относится к VI (возможно концу VII в до н. э.)— началу V вв. до н. э., второй — ко второй половине V—IV вв. до н. э.¹ Два горизонта фиксируются и на чертеже профиля раскопа В. А. Ильинской (рис. 18). Нижний маркируется полом постройки, верхний — упавшими камнями у вершины обожженной части вала.

Следует повториться, и тем самым сделать ударение на том факте, что на сегодняшний день городища Воргол и Ширяево единственные укрепленные поселения скифского времени Путивльского Посеймья на которых проводились археологические раскопки. К сожалению, информативность исследований первых двух минимальна. А вот городище Ширяево предоставило богатый материал, и вполне заслуживает стать опорным памятником эпохи раннего железа в данном микрорегионе. В силу того, что культурный слой достаточно велик, оно минимально пострадало от грабительских раскопок, чего нельзя сказать об абсолютном большинстве городищ Посеймья. Площадка городища никогда не распаивалась и свободна от лесных насаждений. Учитывая перечисленные факты, а также широкий хронологический диапазон, охватывающий практически весь скифский период, памятник представляется весьма перспективным для археологических исследований. В 2017 г. силами Путивльского историко-культурного заповедника и Института археологии НАН Украины раскопки были возобновлены. Проведение работ рассчитано на несколько лет, что безусловно, даст не только новый и яркий материал, а и позволит уточнить ряд моментов, выйти на уровень общепризнанных реконструкций, касающихся древнего населения бассейна р. Сейм.

1. Последними исследованиями автора в 2017 г. на городище выявлено два жилых горизонта. Верхний надежно датируется находкой фрагмента амфоры с грибовидным венчиком 3—2 четвертью IV в. до н. э. Датировку вещей в нижнем слое не выявлено. Материал готовится к публикации.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева, Е. М. 1978. *Античные бусы Северного Причерноморья*. Москва: Наука. Свод археологических источников, Г 1-12.

Алихова, А. Е. 1962. Древние городища Курского Посеймья. *Материалы и исследования по археологии СССР*, 113, с. 86-129.

Березовец, Д. Т. 1948. *Отчет о раскопках раннеславянского поселения и могильника около с. Вольницеево, Путивльского района, Сумской области*. Науковий архів ІА НАНУ, 1948/10.

Березовец, Д. Т. 1949. *Звіт про роботу Сеймсько-Слов'янської експедиції 1949 р.* Науковий архів ІА НАНУ, 1949/9.

Березовец, Д. Т. 1952. Археологічні дослідження в Путивльському районі, Сумської обл. *Археологічні пам'ятки УРСР*, III, с. 242-250.

Березовец, Д. Т. 1955. Дослідження слов'янських пам'яток на Сеймі в 1949—1950 рр. *Археологічні пам'ятки УРСР*, V, с. 49-66.

Білінський, О. О. 2011. Матеріали скіфського часу з городища біля с. Воргол. *Археологія: спадок віків*, Біла Церква, с. 89-94.

Болтрик, Ю. В., Фіалко, Е. Е. 2009. Оружие из скифского кургана Огуз. *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы*, X, Керчь, с. 39-45.

Буйнов, Ю. В. 2003. Поселення бондарихинської культури біля с. Червоний Шлях на Харківщині. *Вісник ХНУ*, 35, с. 4-13.

Буйнов, Ю. В. 2006. К вопросу об исторических судьбах племен бондарихинской культуры. *Российская археология*, 2, с. 39-50.

Гавриш, П. Я. 2002. *Племена скіфського часу в лісостепу Дніпровського Лівобережжя (за матеріалами Прип'ілля)*. Полтава: Археологія.

Гречко, Д. С. 2010. *Населення скіфського часу на Сіверському Дінці*. Київ.

Гречко, Д. С., Шелехань, А. В. 2012. *Гришковский могильник скифов на Харьковщине*. Киев.

Горбаненко, С. А., Каравайко, Д. В. 2012. Рыболовный промысел населения юхновской культуры. *Revista arheologică*, VIII, 1—2, с. 37-49.

Голубовский, П. В. 1908. Историческая карта Черниговской губернии до 1300 г. *Труды XIII Археологического съезда*, 2, Москва, с. 1-50.

Ильинская, В. А. 1950. *Отчет о работе Путивльского отряда Сеймско-Деснинской экспедиции 1950 г.* Науковий архів ІА НАНУ, 1950/26.

Іллінська, В. А. 1953. Городище скіфського часу на р. Сеймі. *Археологія*, VIII, с. 109-122.

Іллінська, В. А. 1970. Андрофаги, меланхлени, будини або скіфи? *Археологія*, XXIII, с. 23-39.

Каравайко, Д. В. 2007. Глиняные грузила юхновской культуры. В: Скорий, С. А. (ред.). *Ранній залізний вік Європи: Тези доповідей Міжнародної наукової конференції «До 100-річчя від дня народження О. І. Тереножкіна*, 16—19 травня 2007 р. Київ, Чигирин, с. 78-81.

Каравайко, Д. В. 2010. Проблема погребального обряду юхновской культуры. *Stratum plus*, 3, с. 237-259.

Каравайко, Д. В. 2012. *Памятники юхновской культуры Новгород-Северского Полесья*. Киев.

Каравайко, Д. В. 2014. Городища раннього залізного віку в Путивльському Посеймі. *Актуальні проблеми археології та історії раннього залізного віку*, 21, Кіровоград, с. 163-173.

Каравайко, Д. В. 2015. Городища раннього залізного віку на Сеймі. *Старожитності раннього за-*

лізного віку. *Археологія і давня історія України*, 2 (15), с. 65-76.

Каравайко, Д. В. 2017. Исследования городищ Путивльского Посеймья: итоги и перспективы. *Старожитності раннього залізного віку*. Археологія і давня історія України, 2 (23), с. 279-291.

Кашкин, А. В. 1981. О гончарстве в Непале. *Советская археология*, 4, с. 238-246.

Ковпаненко, Г. Т., Бессонова, С. С., Скорый, С. А. 1989. *Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья*, Киев: Наукова думка.

Краснов, Ю. А. 1971. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. *Материалы и исследования по археологии СССР*, 174, Москва: Наука.

Кренке, Н. А. 2011. *Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.* Москва: ИА РАН.

Либеров, П. Д. 1962. Памятники скифского времени бассейна Северного Донца. *Материалы и исследования по археологии СССР*, 113, с. 5-85.

Ляпушкин, И. И. 1947. *Памятники эпохи железа Левобережной Украины (по материалам полевых изысканий 1947 г.)*. Науковий архів ІА НАНУ, 1947/29.

Ляпушкин, И. И. 1950. Поселения культуры скифов-пахарей. *Советская археология*, XII, с. 41-65.

Ляпушкин, И. И. 1961. *Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. Археологические разыскания о времени заселения Левобережья славянами*. Москва: Наука. Материалы и исследования по археологии СССР, 104.

Мельниковская, О. Н. 1968. *Отчет о работах Деснинского отряда ИА АН СССР в 1968 г.* Науковий архів ІА НАНУ, 1968/85.

Мельниковська, О. М., Симонович, Е. О. 1975. Розкопки в Комарівці на Посеймі. *Археологія*, 15, с. 75-87.

Моруженко, А. А. 1985. Городища лесостепных племён Днепро-Донского междуречья VII—III вв. до н. э. *Советская археология*, 1, с. 160-178.

Пеляшенко, К. Ю. 2014. *Ліпний посуд населення скіфського часу Дніпро-Донецького Лісостепу*. Дисертація ... канд. іст. наук. ІА НАНУ.

Петренко, В. Г. 1978. *Украшения Скифии VII—III вв. до н. э.* Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 4-5.

Плаксина, О. В., Каравайко, Д. В. 2013. Дослідження городищ раннього залізного віку на Сумщині. *Археологічні дослідження в Україні 2012 р.*, с. 323-324.

Пузикова, А. И. 1981. *Марицкое городище в Посеймье*. Москва: Наука.

Пузикова, А. И. 1997. *Памятники скифского времени бассейна р. Тускарь (Посеймье)*. Москва.

Самоковасов, Д. Я. 1873. *Древние города России*. Санкт-Петербург.

Самоковасов, Д. Я. 1878. Историческое значение городищ. *Труды третьего Археологического съезда*, 1, с. 225-235.

Самоковасов, Д. Я. 1908. *Северянская земля и Северяне по городищам и могилам*. Москва: Синодальная Типография.

Синюк, А. Т., Березуцкий, В. Д. 2001. *Мостищенский комплекс древних памятников (эпоха бронзы — ранний железный век)*. Воронеж.

Сухобоков, О. В. 1968. *Отчет о разведках Левобережной группы Раннеславянской экспедиции ИА НАН УССР в Сумской области в 1968 г.* Науковий архів ІА НАНУ, 1968/13в.

Сухобоков, О. В. 1986. *Отчет о работах Левобережной славяно-русской экспедиции ИА АН УССР в 1986 г.* Науковий архів ІА НАНУ, ф. е. 1986/31.

Тереножкин, А. И. 1961. *Предскифский период на Днепровском Правобережье*. Киев: Наукова думка.

Уварова, П. С. 1906. Выборка из дел Черниговского Статистического Комитета Исторического Общества Нестора Летописца и Архива граф. П. С. Уваровой. *Городища и курганы. Труды Московского предварительного комитета по устройству XIV археологического съезда*, I. Москва, с. 73-93.

Халиков, А. Х. 1977. *Волго-Камье в начале эпохи раннего железа*. Москва: Наука.

Щербань, А. Л. 2007. *Прядіння і ткацтво у населення Лівобережного Лісостепу України VII — початку III століття до н. е. (за глиняними виробами)*. Київ: Молодь.

Шрамко, Б. А. 1987. *Бельское городище скифской эпохи (город Гелон)*. Киев: Наукова думка.

Шрамко, Б. А. 1998. Люботинское городище. В: Буйнов, Ю. В. (ред.). *Люботинское городище*, Харьков, с. 9-131.

REFERENCES

Alekseyeva, E. M. 1978. *Antichnyye busy Severnogo Prichernomoria*. Moskva: Nauka. Svod arkheologicheskikh istochnikov, G 1-12.

Alikhova, A. E. 1962. Drevniye gorodishcha Kurskogo Poseymya. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, 113, s. 86-129.

Berezovets, D. T. 1948. *Otchet o raskopkakh ranneslavianskogo poseleniya i mogilnika okolo s. Volyntsevo, Putivl'skogo rayona, Sums'koy oblasti*. Naukoviy arkhiv IA NANU, 1948/10.

Berezovets, D. T. 1949. *Zvit pro robotu Seimsko-Slov'ianskoi ekspeditsii 1949 r.* Naukoviy arkhiv IA NANU, 1949/9.

Berezovets, D. T. 1952. Arkheolohichni doslidzhennia v Putyvlskomu raioni, Sums'koi obl. *Arkheolohichni pamjatky URSR*, III, s. 242-250.

Berezovets, D. T. 1955. Doslidzhennia slov'ianskykh pam'iatok na Seimi v 1949—1950 rr. *Arkheolohichni pamjatky URSR*, V, s. 49-66.

Bilynskiy, O. O. 2011. Materialy skifskoho chasu z horodyshcha bilia s. Vorhol. *Arkheolohiia: spadok vikiv*. Bila Tserkva, s. 89-94.

Boltrik, Yu. V., Fialko, E. E. 2009. Oruzhiye iz skifskogo kurgana Oguz. *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekovia. Aktualnyye problemy*, X, Kerch, s. 39-45.

Buinov, Iu. V. 2003. Poselennia bondarykhinskoi kultury bilia s. Chervonyi Shliakh na Kharkivshchyni. *Visnyk KhNU*, 35, s. 4-13.

Buynov, Yu. V. 2006. K voprosu ob istoricheskikh sudbakh plemen bondarykhinskoy kultury. *Rossiyskaya arkheologiya*, 2, s. 39-50.

Havrysh, P. Ia. 2002. *Plemena skifskoho chasu v lisostepu Dniprovskoho Livoberezhzhia (za materialamy Prypsillia)*. Poltava: Arkheolohiia.

Hrechko, D. S. 2010. *Naseleennia skifskoho chasu na Siverskomu Dintsi*. Kyiv.

Grechko, D. S., Shelekhan, A. V. 2012. *Grishkovskiy mogilnik skifov na Kharkovshchine*. Kiev.

Gorbanenko, S. A., Karavayko, D. V. 2012. Rybolovnyy promysel naseleniya yukhnovskoy kultury. *Revista arheologică*, VIII, 1—2, s. 37-49.

Golubovskiy, P. V. 1908. Istoricheskaya karta Chernigovskoy gubernii do 1300 g. *Trudy XIII Arkheologicheskogo syezda*, 2, Moskva, s. 1-50.

Plinskaya, V. A. 1950. *Otchet o rabote Putivl'skogo otryada Seimsko-Desninskoy ekspeditsii 1950 g.* Naukoviy arkhiv IA NANU, 1950/2b.

Illinska, V. A. 1953. Horodysheche skifskoho chasu na r. Seimi. *Arkheolohiia*, VIII, s. 109-122.

Illinska, V. A. 1970. Androfahy, melankhlyny, budyny abo skify? *Arkheolohiia*, XXIII, s. 23-39.

Karavayko, D. V. 2007. Glinyanyye gruzila yukhnovskoy kultury. In: Skoryi, S. A. (ed.). *Rannii zaliznyi vik Yevrazii:*

Tezy dopovidei Mizhnarodnoi naukovoï konferentsii «Do 100-richchia vid dnia narodzhennia O. I. Terenozhkina, 16—19 travnia 2007 r. Kyiv, Chyhyryn, s. 78-81.

Karavayko, D. V. 2010. Problema pogrebalnogo obryada yukhnovskoy kultury. *Stratum plus*, 3, s. 237-259.

Karavayko, D. V. 2012. *Pamyatniki yukhnovskoy kultury Novgorod-Severskogo Polesia*. Kiev.

Karavaiko, D. V. 2014. Horodyshcha rannoho zaliznogo viku v Putyvlskomu Poseim'i. Aktualni problemy arkheolohii ta istorii rannoho zaliznogo viku, 21, Kirovohrad, s. 163-173.

Karavaiko, D. V. 2015. Horodyshcha rannoho zaliznogo viku na Seimi. *Starozhytnosti rannoho zaliznogo viku*. Arkheolohiia i davnia istoriia Ukrainy, 2 (15), s. 65-76.

Karavayko D. V. 2017. Issledovaniya gorodishch Putivl'skogo Poseymia: itogi i perspektivy. *Starozhytnosti rannoho zaliznogo viku*. Arkheolohiia i davnia istoriia Ukrainy, 2 (23), s. 279-291.

Kashkin, A. V. 1981. O goncharstve v Nepale. *Sovetskaya arkheologiya*, 4., s. 238-246.

Kovpanenko, G. T., Bessonova, S. S., Skoryy, S. A. 1989. *Pamyatniki skifskoy epokhi Dneprovskogo Lesostepnogo Pravoberezhia*. Kiev: Naukova dumka.

Krasnov, Yu. A. 1971. Ranneye zemledeliye i zhivotnovodstvo v lesnoy polose Vostochnoy Evropy. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, 174.

Krenke, N. A. 2011. *Diakovo gorodishche. Kultura naseleeniya basseyna Moskvyy-reki v Itys. do n. e. — Itys. n. e.*, Moskva: IA RAN.

Liberov, P. D. 1962. Pamyatniki skifskogo vremeni basseyna Severnogo Donsa. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, 113, s. 5-85.

Lyapushkin, I. I. 1947. *Pamyatniki epokhi zheleza Levoberezhnoy Ukrainy (po materialam polevykh izyskaniy 1947 g.)*. Naukoviy arkhiv IA NANU, 1947/29.

Lyapushkin, I. I. 1950. Poseleniya kultury skifov-pakharey. *Sovetskaya arkheologiya*, XII, s. 41-65.

Lyapushkin, I. I. 1961. *Dneprovskoye lesostepnoye Levoberezhye v epokhu zheleza. Arkheologicheskiye razyskaniya o vremeni zaseleniya Levoberezhia slavyanami*. Moskva: Nauka. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, 104.

Melnikovskaya, O. N. 1968. *Otchet o rabotakh Desninskogo otryada IA AN SSSR v 1968 g.* Naukoviy arkhiv IA NANU, 1968/85.

Melnykovska, O. M., Symonovych, E. O. 1975. Rozkopky v Komarivtsi na Poseim'i. *Arkheolohiia*, 15, s. 75-87.

Moruzhenko, A. A. 1985. Gorodishcha lesostepnykh plemen Dnepro-Donskogo mezhdurechya VII—III vv. do n. e. *Sovetskaya arkheologiya*, 1, s. 160-178.

Peliashenko, K. Iu. 2014. *Lipnyi posud naseleenniya skifskoho chasu Dnipro-Donetskoho Lisostepu*. Dysertatsiya ... kand. ist. nauk. IA NANU.

Petrenko, V. G. 1978. *Ukrasheniya Skifii VII—III vv. do n. e.* Moskva: Nauka. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D 4-5.

Plaksina, O. V., Karavaiko, D. V. 2013. Doslidzhennia horodyshch rannoho zaliznogo viku na Sumshchyni. *Arkheolohichni doslidzhennia v Ukraini 2012 r.*, s. 323-324.

Puzikova, A. I. 1981. *Maritskoye gorodishche v Poseymye*. Moskva: Nauka.

Puzikova, A. I. 1997. *Pamyatniki skifskogo vremeni basseyna r. Tuskar (Poseymye)*. Moskva.

Samokvasov, D. Ya. 1873. *Drevniye goroda Rossii*. Sankt-Peterburg.

Samokvasov, D. Ya. 1878. Istoricheskoye znachenie gorodishch. *Trudy tret'yego Arkheologicheskogo syezda*, 1, s. 225-235.

Samokvasov, D. Ya. 1908. *Severyanskaya zemlya i Severyane po gorodishcham i mogilam*. Moskva: Sinodalnaya Tipografiya.

Sinyuk, A. T., Berezutskiy, V. D. 2001. *Mostishchenskiy kompleks drevnikh pamyatnikov (epokha bronzy — ranniy zheleznyy vek)*. Voronezh.

Sukhobokov, O. V. 1968. *Otchet o razvedkakh Levoberezhnoy grupy Rannoslavianskoy ekspeditsii IA NAN USSR v Sumskoy oblasti v 1968 g.* Naukoviy arkhiv IA NANU, 1968/13v.

Sukhobokov, O. V. 1986. *Otchet o rabotakh Levoberezhnoy slavyano-russkoy ekspeditsii IA AN SSSR v 1986 g.* Naukoviy arkhiv IA NANU, 1986/31.

Terenozhkin, A. I. 1961. *Predskifskiy period na Dneprovskom Pravoberezhye*, Kiev: Naukova dumka.

Uvarova, P. S. 1906. Vyborka iz del Chernigovskogo Statisticheskogo Komiteta Istoricheskogo Obshchestva Nestora Letopistsa i Arkhiva graf. P. S. Uvarovoy. Gorodishcha i kurgany. *Trudy Moskovskogo predvaritel'nogo komiteta po ustroystvu XIV arkheologicheskogo syezda*, I. Moskva, s. 73-93.

Khalikov, A. Kh. 1977. *Volgo-Kamyë v nachale epokhi ranneye zheleza*, Moskva: Nauka.

Shcherban, A. L. 2007. *Priadinnia i tkatstvo u naseleenniya Livoberezhnogo Lisostepu Ukrainy VII — pochatku III stolit'ia do n. e. (za hlynianymy vyrobamy)*, Kyiv: Molod.

Shramko, B. A. 1987. *Belskoye gorodishche skifskoy epokhi (gorod Gelon)*, Kyiv: Naukova dumka.

Shramko, B. A. 1998. Lyubotinskoye gorodishche. In: Buynov, Yu. V. (ed.). *Lyubotinskoye gorodishche*, Kharkov. s. 9-131.

D. V. Karavaiko

ABOUT THE THREE HILLFORTS OF SCYTHIAN TIME AT PUTYVL'S AM SEYM REGION

Nowadays, the archaeological excavations conducted on the three hillforts — two of them are situated near Vorgol village and one of them near Shiryaevo, at Putyvl's am Seym region. Vorgol hillfort was explored by D. T. Berezovets. The fortified settlements are located on the surrounding capes of the high right riverside of the Kleven. About 300 square meters were investigated and conducted the transverse section of a shaft on the Eastern hillfort, in 1949. The researcher was a specialist of antiquities of the Slavic-Rus period, and therefore the materials of Scythian time were beyond his control. There are only clay sparrows of Early Iron Age, in the collection, which is partially stored in the funds of the Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine.

D. T. Berezovets conducted excavations on the Shiryaevo hillfort, in 1948—1949. Unfortunately, the results of that works have not been published, and some information of that excavations are published in this article for the first time. The researches on the hillfort was continued by V. A. Ilyinskaya, in 1950. This archaeology site is dated VI—IV centuries BC. The results of archaeological researches were published on the «Archeology» journal. It was not possible to cover all the material at that time, regarding to objective reasons. At least the two horizons were extract on the Shiryaevo hillfort, as result of analysis of the collection of excavations in 1949—1950. The first, oldest of them, is dated VI, maybe the beginning of V century BC. The second, according to the material, is dated the second half of the V—IV centuries BC. The total investigated area, during the years 1948—1950, is about 300 square meters.

Keywords: Putyvl's am Seym region, Scythian time, hillfort, material culture.

Одержано 15.11.2017

КАРАВАЙКО Дмитро Володимирович, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник, Інститут археології НАН України, пр. Героїв Сталінграда 12, Київ, 04210, Україна, *dmytro.karavaiko@gmail.com*.

KARAVAIKO Dmytro V., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Heroiv Stalingradu ave. 12, Kyiv, 04210, Ukraine, *dmytro.karavaiko@gmail.com*.